

ПРАВДА
МОЖЕТ РАНИТЬ.
НО ЛОЖЬ
РАЗРУШАЕТ
ВСЕ.

ВАЛЕРИЯ
Брайт

Всего лишь
ТВОЯ ИГРА

18+

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Валерия Брайт

Всего лишь твоя игра

<https://litres.ru/74622418>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он — самоуверенный мажор и просто наглый придурок.

Я — новенькая с тёмным прошлым, которая мечтает о спокойной жизни.

Марк Вольнов думает, что я играю в недоступность. Он привык побеждать и не умеет проигрывать.

Я думаю, что он очередной богатый пижон, которому скучно и нужны новые развлечения.

Мы оба ошибаемся.

Потому что, когда я слышу его шепот: «Я тебе верю», моя стена рушится. И мне страшно от того, что я хочу поверить ему в ответ.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	38
Глава 6	51
Глава 7	61
Глава 8	70
Глава 9	80
Глава 10	89
Глава 11	100

Валерия Брайт

Всего лишь твоя игра

Глава 1

Злата

— Ну как ты? — декан идёт быстро, я едва успеваю. — В общежитии устроилась?

— Всё хорошо, Феликс Альбертович, спасибо. — Я киваю и крепче сжимаю ремень рюкзака. Кожа скрипит под пальцами. Мелочь, но сейчас раздражает всё.

Декан дружит с моим дядей, и именно он помог мне перевестись из другого города. Он останавливается у двери, коротко смотрит на меня и жестом пропускает вперёд. Пара уже началась, но в аудитории шумно, как на перемене. Смех, обрывки разговоров, чей-то громкий зевок.

— Доброе утро.

Одного его «доброе утро» хватает, чтобы шум превратился в настороженное шуршание.

— Мария Петровна, простите, что прервал. У вас в группе пополнение. Прошу любить и жаловать, Злата Сереброва. Перевелась к нам в этом семестре.

Стоять на этом клочке линолеума перед всей группой, на второй учебной неделе сентября, чувствуя на себе десятки любопытных, оценивающих, а где-то и откровенно враждебных взглядов — это особая пытка. Тепло поднимается к щекам, но лицо я держу. Вежливая маска. Ничего лишнего.

И в ту секунду, когда он произносит «Сереброва», где-то в среднем ряду слышу:

— Ничего себе!

Взгляд скользит по рядам. Не знаю, кто сказал и было ли это вообще адресовано мне. Но почему-то он задерживается на одном. Первый ряд, вторая парта, место у прохода, парень развалился на стуле так, будто аудитория его личная гостиная. Он не смотрит на меня. Но стоило прозвучать фамилии, как что-то в его лице ломается. Едва заметно. Будто по воде прошла рябь и тут же разгладилась. Я моргаю, и наваждение исчезает. Может, показалось. Может, он просто зевнул не вовремя.

— По всем бытовым и учебным вопросам обращайся к старосте. — Декан кивает в сторону девушки с аккуратной косой за первой партой. — Она поможет.

Он разворачивается и выходит, оставляя меня одну на передовой. Дверь закрывается мягко. Тишина держится ровно три секунды. Потом аудитория взрывается сдавленным гулом, шёпотом, хихиканьем.

— Так, тише. Продолжаем. — Пухленькая преподавательница с ярко-красной помадой хлопает в ладоши. — Злата,

проходи, присаживайся.

Сканирую аудиторию. Свободное место одно: первый ряд, четвёртая парта, у окна, залитого скупым сентябрьским светом. Придётся идти вдоль всего ряда. Делаю шаг. Кто-то впереди говорит вполголоса: «Злата? Сереброва? Серьёзно?» А потом басистый голос перекрывает гул:

— Ого... это за что ж нам такое сокровище привалило?

В аудитории становится ощутимо тише. Как будто все синхронно повернули головы.

Я делаю вид, что не слышу, и продолжаю идти.

— Так ты всё-таки золото или серебро, а?

Смех прокатывается волной. Я останавливаюсь и поднимаю глаза. Тот же парень, на которого я обратила внимание ранее. Красивый, неоспоримо. Та самая опасная, хищная красота, от которой разум должен бы включать сирену.

— Ну? — Он приподнимает бровь, довольный тем, что я задержала взгляд. — Ещё скажи, что ты Алмазовна. Тогда вообще комбо. Золото-серебро-алмазы. Полный сет.

Группа взрывается хохотом. И вот тут он делает паузу и добавляет уже тише, почти буднично, глядя мне прямо в лицо:

— Далеко же тебя занесло, Сереброва.

— Вольнов, хватит!

Голос преподавательницы тонет. Я хочу пройти к свободной парте, но его нога в белоснежном кроссовке резко выдвигается вперёд, перегораживая проход. Приходится оста-

новиться.

Смотрю на идеально белые шнурки. Поднимаю взгляд по тёмным джинсам, по чёрной футболке, на которой бесшумно кричит логотип известной марки. И встречаюсь с его глазами. Смотрю прямо в эти тёмные, насмешливые зеркала.

— Знаешь, — начинаю задумчиво, и смех в аудитории постепенно стихает, — если бы остроумие измерялось драгоценными металлами, ты бы был... фольгой.

Кто-то давится смешком.

— Блестишь, но толку ноль. — Слегка наклоняю голову, будто изучаю редкий, но не особо интересный экспонат. — Уберёшь ногу или мне через тебя переступить?

Тишина.

Ухмылка сползает с его лица. В глазах вспыхивает удивление, и почти сразу за ним что-то другое. Челюсть напрягается. На скуле дёргается желвак. Нога остаётся на месте ровно на секунду дольше, чем нужно. Он держит её из принципа.

Потом всё же убирает.

Аккуратно прохожу мимо, ставлю рюкзак на стул, сажусь у окна. Не успеваю толком выдохнуть, как надо мной вырастает тень. Вольнов стоит вплотную к парте. Так близко, что я чувствую запах его парфюма: что-то холодное, дорогое, с горькой ноткой. Ощущаю тепло, которое идёт от него. Кожа на предплечьях мгновенно отзывается мурашками, и это бесит сильнее всего, потому что я этого не разрешала.

— Ты в курсе, что фольга нужна, чтобы что-то держать в

тепле? — говорит он негромко, но слышно абсолютно всем. — Так что подумай, кому из нас я сейчас комплимент сделал.

Смех. Но уже не такой, как раньше. Осторожный.

— Интересная у тебя самооценка. — Откидываюсь на спинку, скрещиваю руки. — Обычно люди хотя бы стараются, прежде чем себя хвалить.

— Вольный, тебя, кажется, сделали! — весело орёт кто-то.

Он не оборачивается. Всё его внимание здесь, в этом узком пространстве между нами. Наклоняется чуть ближе, упираясь ладонью в мою парту, и я вижу лёгкую, почти невидимую щетину на его щеке.

— Серебров... Я тебя запомнил и даже немного узнал, — говорит он тихо. Только мне. — Ты меня... пока нет.

— Марк! Немедленно сядь на место! Ты срываешь мне пару! — орёт преподавательница.

— Марусь Петровна, не вопи, я уже сажусь. — Он производит это, не отрывая от меня взгляда. И только через пару секунд действительно отходит.

Мария Петровна никак не реагирует на «Марусь». Ни слова. Просто разворачивается к доске и продолжает лекцию, будто ничего не произошло.

Только что орала на всю аудиторию, проглотила прямое хамство и даже не поморщилась. Значит, его здесь не трогают. Значит, у него есть что-то, что делает его неприкасае-

мым, и это «что-то» весит больше, чем её голос.

Полезная информация, и мне, сто процентов, нужно держаться от него подальше.

Мел царапает доску, выводя новые термины. Я достаю тетрадь, ручку, вывожу дату в углу листа. Слова преподавателя проходят мимо, цепляются за сознание и соскальзывают. Я пишу что-то механически, не понимая, что. В затылок давит чужое внимание, оно никуда не делось, оно просто переместилось на ряд левее и стало тише.

— Сереброва...

Слышу шёпот, поворачиваюсь и встречаюсь взглядом с соседом Вольного по парте. Тот подмигивает мне, а Вольный, проследив за его взглядом, тоже смотрит на меня.

— Согреть тебя, Сереброва? — бросает он негромко, но несколько человек всё-таки слышат.

Я не реагирую. Возвращаюсь к конспекту, веду ручкой по строке и с удивлением замечаю, что вдавливаю её в бумагу так, что вот-вот порву лист. Разжимаю пальцы. Дышу ровно. Семестр только начался. А я уже на карандаше у самого шумного человека в аудитории.

Прекрасно. Просто прекрасно.

Неделя проходит сумбурно. Новые лица у кафедры, сухие представления, фамилии, которые я тут же забываю. Любопытные взгляды однокурсников уже не так колют кожу и становятся фоновым шумом, как гул вентиляции. Вольнов, «Вольный», как его тут все зовут, и я, кажется, уже тоже, дер-

жит дистанцию. Но часто смотрит на меня, я это чувствую.

Наконец заканчивается последняя пара, и звучит звонок. Первый глубокий вдох за полтора часа. Я вставляю наушники, закидываю рюкзак на плечо и иду к двери, а в ушах бьёт бас, и сердце послушно стучит в такт бас-бочке, ровно, предсказуемо, безопасно. У меня появляется своя система защиты: наушники. Вставила, нажала play, и мир отодвигается за стекло.

У самого выхода дорогу мне перегораживает силуэт. Поднимаю голову и вижу Вольного. Стоит, засунув руку в карман, и говорит. Я вижу, как двигаются его губы. Вижу, как чуть приподнимается бровь на середине фразы, там, где, наверное, должна быть шутка. Я не слышу ни слова. Мысленно повторяю припев и отбиваю ритм кончиками пальцев по шву джинсов.

Его губы перестают шевелиться. Он ждёт. Секунду. Две. Ответа нет. И тогда он оглядывается. Не на меня, а по сторонам, на тех, кто это видел. Я улыбаюсь краешком губ. Сухо, вежливо, ничего не значаще. И очень чётко произношу:

— Хорошего дня тебе, Вольный.

Мой голос звучит для меня приглушённо, но я вижу, как слова доходят до него. Он застывает с лёгким раздражением на лице, наверное, оттого, что его сценарий дал сбой. Я обхожу его и выхожу в прохладный полумрак коридора. И только на лестнице осознаю, что понятия не имею, что он сказал. Возможно, очередной каламбур про золото. Возмож-

но, язвительное «куда так спешишь?». Неважно.

Дальше быстрым шагом иду к общаге, которая недалеко от универа. Тётя Шура за стойкой поднимает голову и провожает меня взглядом поверх очков. Я киваю, она кивает в ответ.

Комната встречает меня чужим присутствием. На второй кровати, которая всю неделю была пустой, сидит девушка в ярких полосатых носках и читает какую-то потрёпанную книгу с загнутыми углами.

Дверь не успевает за мной закрыться, как она вскакивает, будто ждала сигнала. Губы начинают быстро двигаться. Я не слышу ни слова.

Со вздохом вынимаю один наушник.

— Привет.

— Ой, привет! Ты в наушниках была, да? Не слышала меня. Я Тоня! — Она говорит на одном дыхании и делает шаг ко мне. — Я болела, только сегодня вернулась, представляешь, две недели дома просидела. А ты откуда? Из какого города? А почему перевелась, что-то случилось? Тебе тут как вообще? А парень есть? А ты чего всё время в наушниках, у тебя музыка такая громкая, я аж от двери слышу.

«Почему перевелась...»

Это всё, что я слышу. Замираю на полсекунды. И тут же вспоминаю слова Вольного. До меня только сейчас доходит, что «узнал» и «запомнил» — это разные слова. Так он всё-таки меня «узнал» или «запомнил»?

Глава 2

Марк

Дверь универа открывается каждые пятнадцать секунд. Я считаю. Стою у фонарного столба, перекаत्याю в кармане ключи и смотрю на эту чёртову дверь так, будто мне за это платят. Выходят какие-то первокурсники. Выходит препод с кафедры экономики. Выходит толпа с четвёртого курса, ржут на весь тротуар. Не то.

Мы стоим кучей у главного входа, заблокировав половину тротуара, как естественная преграда для всего потока. Никто не возмущается. Обходят.

— Вольный, ты уснул?

— Отвали, Сахар.

Дверь открывается снова, и выходит Вика. Машет мне издали, останавливается на крыльце с какой-то подругой, что-то ей втирает. Обещал подкинуть её до дома: сегодня она без машины. Очередная мелкая услуга в длинном списке взаимных одолжений, которые она называет отношениями. Я киваю ей и опять смотрю на дверь.

— А вам новенькая как? — спрашивает Сахар. — Прикольная, да?

— Ничего так. — Ракета лыбится. — Попец зачётный.

— Ага, успел заценить?

Оба ржут, как будто только что поделили секрет.

— Да ну вас. — Снежана морщится. — Странная она. Терпеть не могу таких. Мина кислая, ни эмоций, ни реакции. Как стена.

— О, Снеж. — Ракета наклоняется к ней. — Да ты боишься, что она тебе конкуренцию составит?

Компания ржёт. Снежану заливают румянцем до ушей.

— Ракета, ты debil!

Но глаз дёрнулся. Зацепило.

Я усмехаюсь и не комментирую. У меня перед глазами до сих пор одна картинка. Белые наушники. Спокойное лицо. «Хорошего дня тебе, Вольный». И взгляд, который прошёл сквозь меня, как через пустое место.

Никто. Никогда. Не смотрел на меня так.

Я стоял в трёх шагах от неё, говорил, и она меня не слышала. Просто не слышала. И весь коридор это видел.

— Вольный, а ты чего молчишь? — щурится Сахар. — Как тебе Сереброва?

— Да никак.

— Ага, — тянет он. — Никак.

Пауза. И вот тут он делает то, чего я от него не жду. Он вообще-то не самый умный человек в моей жизни, но иногда попадает.

— Слушай. — Сахар подходит ближе, понижает голос. —

А ты её знаешь, что ли?

Секунда. Может, полторы.

— С чего вдруг?

— Ну ты ей это сказал. «Далеко же тебя занесло». — Он пожимает плечами. — Странная фраза, если человека первый раз видишь.

— Сахар, ты серьёзно? — Я поворачиваюсь к нему всем корпусом и улыбаюсь. — Она из другого города перевелась. Декан прямым текстом сказал. Или ты на паре тоже в телефоне сидел?

— Да ладно, ладно.

Он поднимает руки и отступает.

— А что там у нас насчёт выходных, кто едет? — перебиваю тему, и через десять секунд все уже спорят про субботу.

Краем глаза ловлю движение. Катя идёт быстрым шагом, уткнувшись в телефон, явно рассчитывая проскочить мимо.

Не сегодня.

Отталкиваюсь от столба, делаю два широких шага и перекрываю ей дорогу. Она чуть не влетает в меня, тормозит, отступает.

— Котёнок, привет.

— Я не котёнок. Хотя пофиг, ты всё равно не перестанешь. — Она смотрит снизу вверх, без всякой симпатии. — Чего тебе, Вольнов?

— Ты у нас староста. Скажи, где новенькая живёт.

Катя прищуривается. Смотрит внимательно, будто прики-

дывает, сколько проблем я сейчас притащу в её аккуратную жизнь.

— В пятой общаге. Подробностей не знаю. Мы с ней не подруги, ты видел.

— Ясно. С меня кофе, сестрёнка.

— Иди к чёрту, братишка.

Она обходит меня и ускоряет шаг.

— Увидимся дома, дорогая! Или тебя подвезти?

Не оборачиваясь, показывает мне фак. Чётко, выразительно, от души.

Сводная сестра. Просто обожает меня. Наши родители съехались год назад, и с тех пор мы дружной семьёй живём в одном доме.

— Ну что, поехали?

Вика подхватывает меня под руку, будто материализовалась из воздуха.

В машине она говорит без остановки. Про препода по маркетингу, который к ней «явно неровно дышит». Про платье, которое так и не купила, потому что «оно было ужасное, но при этом идеальное, ты вообще меня слушаешь?».

— Ага, — говорю в нужном месте.

Не слушаю. Мозг, как заевшая пластинка, гоняет один кадр: наушники, пустой взгляд, стена. От которой моё остроумие и моя фамилия отскакивают, как горох.

Торможу у её дома. Она не выходит. Поворачивается, и в лице вдруг нет ничего кокетливого.

— Марк. У тебя что-то случилось?

— Устал.

Ей хватает. Она не из тех, кто копает глубже, если не приглашают. Наверное, единственное, на чём наши «отношения» так долго держатся.

— Ясно. — Тянется, целует в губы. Легко. Привычно. — Напишу.

Я не смотрю, как она уходит. Уже выворачиваю руль. Через квартал торможу у обочины. Глушу мотор. Тишина в салоне такая, что слышно, как остывает двигатель.

Достаю телефон. Открываю переписку, которую не открывал давно, и листаю. Долго. Пальцы двигаются сами, экран мелькает, и я даже не сразу понимаю, что именно ищу.

Нахожу. Точно, она. Прошлой весной Глеб выслал мне фотку своей бывшей. И куча сообщений, где он поливает её грязью: «Не сразу понял, что она из себя представляет», «в прямом смысле девушка по вызову», «бабло любит, и если видит статус и толстый кошелёк, то готова на всё».

Ещё раз смотрю на фотку: может, показалось. Но нет. Это она, сто процентов.

С тем, что я видел сегодня, это не сходится ни одной буквой. Она не смотрела ни на мои часы, ни на мой телефон, ни на меня. Она смотрела сквозь.

Ладно, понаблюдаем. Глеба спрошу позже.

Бросаю телефон на пассажирское, завожу мотор и еду домой.

Дом вырастает из-за деревьев минут через двадцать. Подсвеченный со всех сторон, как музей. Отцовский памятник самому себе. Чем ближе подъезжаю, тем сильнее хочется развернуться.

В гараже моя машина встаёт рядом с его чёрным внедорожником. Значит, дома.

В холле пахнет цветами, которые меняют раз в три дня. Из кабинета доносится голос отца, тот самый, деловой, с ровными паузами. Важный звонок. У него все звонки важные.

Иду к лестнице. Ставлю ногу на третью ступеньку.

— Марк.

Замираю.

Он выходит в холл, убирая телефон во внутренний карман пиджака. Отглаженный костюм, ни складки. Гранитное лицо. Просесть у висков. И холодный расчётливый взгляд.

— Здравствуй, отец, — бросаю, не скрывая фальши в голосе. Вежливость у нас единственный общий язык, и то полный подтекстов.

Не жду, что он мне ответит, и продолжаю подниматься на второй этаж.

— Где Катя? — слышу вопрос, но намеренно игнорирую его.

Вхожу к себе. Моя комната — это целый этаж на мансарде. Моё царство. Я захлопываю дверь, но не запираю, знаю, что это его разозлит ещё больше. Просто раздеваюсь, скидываю джинсы, футболку, бросаю всё на стул. И только подхожу,

чтобы открыть гардероб, как дверь снова открывается. Отец входит без стука.

— Я спросил, где твоя сестра? — повторяет он.

Я не оборачиваюсь, открываю шкаф и выбираю, что надеть после душа.

— Какая ещё сестра? — спокойно отвечаю. — У меня нет сестры. Ты что-то путаешь.

— Хватит паясничать, Марк, — его голос теперь звучит жёстче, но не громче. Та самая жёсткость, перед которой трепещут вице-президенты его компаний. Но не я. — Мы договаривались. Ты будешь подвозить Катю из университета, пока у неё нет своей машины.

— А, так ты про свою падчерицу, — оборачиваюсь к нему и делаю удивлённое лицо. — Ой, извини, не сообразил сразу. И если я правильно понимаю, слово «пока» означает, что скоро ты сделаешь ей подарок.

— Кстати, по этому поводу, — добавляет он, — у Кати скоро день рождения. На празднике будут важные люди. Ты должен вести себя нормально. Без твоих выходов.

— Ого. Уже так быстро выводешь в свет дочурку? — хмыкаю. — Ну-ну. Поздравляю.

— Надеюсь, ты понимаешь, что это для меня важно.

— Понимаю, как это важно для Руднева, Громова и Вольского, — ерничаю я.

— Именно так! Я полагаю, мы с тобой договорились?

— О да, не переживай, я прекрасно знаю: что важно для

тебя, то ещё важнее для меня, ПАПА. И договорённости — это твой конёк, ПАПА, правда ведь. Так что будь уверен, я всё понял! А теперь, если позволишь, я хочу принять душ и взяться за учёбу. Знаешь, нам тааак мнооог задали, ты себе не представляешь.

Отец не отвечает, а продолжает смотреть на меня. Не сердится, не кричит. Он просто разочарован. Это в его взгляде, в том, как он медленно качает головой, и это хуже любой истерики.

— Сын, — говорит он. — Когда это всё закончится? Когда же ты наконец справишься?

Я выпрямляюсь во весь рост, такой же высокий, как отец. Внутри всё горит, будто включили конфорку и забыли.

— Исправлюсь, конечно, — говорю я с фальшивой улыбкой.

Он смотрит на меня ещё несколько секунд. Молчим. Кажется, кто-то из нас сейчас сорвётся. Я не отвожу взгляд, держусь, хотя внутри всё клоочет. Хочу схватить его за идеально выглаженную рубашку и почувствовать, как трещит ткань в моих пальцах. Хочу потребовать ответа за его отношение ко мне и за его причастность к смерти мамы.

— День рождения Кати, — наконец говорит он, возвращаясь к делу, будто я ничего не сказал, — будем праздновать здесь. Придут нужные люди. Будешь присутствовать. В приличном виде. И с приличным поведением. Без твоих выкрутасов. Это не просьба!

Он разворачивается и выходит, не дожидаясь ответа. Я стою посреди своего царства, и всё здесь, от дорогой техники до дизайнерской мебели и вида из окна на бассейн, кажется жалкой, пустой декорацией. Бутафорией в жизни, которую он для меня построил. И в которой мне отведена роль избалованного принца-неудачника.

— Сэр, есть, сэр! — громко кричу ему вслед. Подхожу к двери и захлопываю её изо всех сил.

Сажусь на кровать, беру телефон, чтобы набрать Сахару и договориться о встрече. Но в ту же секунду открываю ту самую переписку с Глебом.

Пишу одну строчку.

«Твоя Сереброва учится теперь со мной».

Отправляю раньше, чем успеваю подумать, зачем.

«Доставлено».

Секунда. Две. Десять.

«Прочитано».

Под сообщением появляются три точки. Глеб печатает.

Точки исчезают. Я снова пишу:

«Что-то с первого взгляда не похожа она на ту, кто гонится за деньгами».

Высылаю ему фотку Серебровой, которую снял на одной из перемен.

Снова оживают три точки. И приходит сообщение:

«Так возьми и сам проверь».

Глава 3

Злата

Я стою посреди пустой комнатой и не могу понять, где я.

Золотые стены без окон. Голый пол под ногами. Свет идет ниоткуда, тусклый, ровный, без источника, и от этого страшнее всего, потому что свет обязан куда-то идти.

Сердце бьётся, как будто ищет выход. Ладони ледяные и липкие.

Дверь. Есть дверь.

Слава богу.

Ноги сами несут меня к ней. Рука хватает за ручку, дергает. Дёргаю сильнее, изо всех сил, пока суставы не хрустят.

Заперто.

— Выпустите меня!

Бью кулаками на холодной гладкой поверхности. Звук глухой, он всасывается стенами, не оставляя эха. Как будто стучу в вату.

— Ты сама виновата.

Голос приходит отовсюду сразу. Я узнаю раньше его, чем понимаю, чей он.

— Хватит врать. Просто признай, что виновата.

— Я не виновата! — кричу в пустоту, и голос срывается.
— Не виновата!

И тут дверь исчезает. Просто растворяется, как мираж. Там, где были углы, теперь гладкая безликая белизна. Комната превращается в белую коробку, и стены этой коробки начинают меняться. Медленно. Неумолимо. С тихим скрежетом, который проникает в самые кости. Белые плоскости уже в сантиметрах от лица.

И в тот момент, когда они почти смыкаются, внезапно открывается стена передо мной.

Там, за ней, просто спина. Человек уходит от меня. Не бежит, просто идёт, и расстояние между нами растёт с каждым шагом.

Я знаю его плечи. Я знаю эту походку.

— Я не виновата!

Кричу ему вслед, и в этот раз голос не срывается, а рвётся на куски, и я тянусь рукой вперёд, хотя знаю, что не достану. Он не оборачивается.

— Злата...

Кто-то зовёт меня по имени. Голос далёкий, искажённый.

— Злата!

Я вздрагиваю всем телом, как от удара током, и открываю глаза.

Первые секунды не могу пошевелиться. Тело чужое, тяжёлое, придавленное к матрасу. Смотрю в темноту и не понимаю, закончилось это или ещё нет, потому что комната

вокруг слишком тёмная и тоже без углов.

Потом вижу потолок. Трещину на нем. Прямоугольное окно.

Общага. Комната. Моя кровать.

Рядом кто-то стоит.

Резко поворачиваю голову. Тоня. Стоит в шаге от кровати, обхватив себя руками за плечи, и смотрит на меня испуганными глазами.

— Ты... — Она сглатывает. — Ты кричала во сне. Сильно.

— Извини, — говорю. Голос не мой. Сиплый.

— Да нет, я просто... не знала, будить или нет.

— Всё нормально. Сон дурацкий.

Тоня кивает, очевидно, не веря ни одному слову, но не решаясь копать.

— Слушай... твой телефон. Он звонил. Раза три уже.

Сажусь. За окном уже темень, только фонарь моргает через промежутки. Я не помню, когда уснула. Наушников в ушах нет, они остались на одеяле.

Страх никуда не ушёл. Он просто сменил форму: был белым и стал фоновым, как гул холодильника, который слышишь, только когда прислушаешься.

Экран загорается в моей руке. Три пропущенных. «Мама».

Делаю глубокий вдох. Как перед прыжком в холодную воду. Нажимаю на вызов и включаю нужный голос. Лёгкий, ровный, чуть-чуть весёлый. Всё хорошо. Всё хорошо.

— Злата! — Она подхватывает на первом же гудке, будто держала телефон в руках. — Господи, ну наконец-то. Я тебе раза три звонила, ты даже не представляешь...

Она не договаривает.

На заднем плане бормочет мужской голос. Слов не разобрать, просто низкое ворчание из соседней комнаты.

— Всё нормально, — торопливо говорит мама куда-то в сторону. — Всё хорошо, я просто...

Голос становится ближе. И резче.

— Ты с кем разговариваешь? С дочкой своей?

— Паш, ну пожалуйста...

Шорох. Она пытается прикрыть трубку ладонью, я слышу это глухое царапанье по микрофону, но ее никто не слушает. Ее вообще никогда не слушают.

— Передай это неблагодарной, — говорит он, и я понимаю, что он стоит уже вплотную к телефону, — что я плачу за ее обучение. Не за красивые глаза. Услышу хоть одну жалобу, хоть одно слово, заберу документы в тот же день. Пойдёт полы мыть. Посмотрим, как ей понравится.

Мама шепчет что-то умоляющее. Он не слышит. Или не хочет.

— И передай ещё. — Пауза. — Пусть ведет себя тихо. Одного раза нам хватило.

Тишина. Я слышу его дыхание в трубке. Тяжёлое, спокойное, хозяйское. Он не спешит выходить. Ждёт, пока я всё усвою.

Я не издаю ни звука. Потом шаги, скрип двери, и мама снова говорит:

— Так как ты, солнышко? — спросила она бодро. — Как устроилась?

И мы обе делаем вид, что последних минут не было.

— Всё замечательно, мам. — Я улыбаюсь в темноте. Через силу губы растягиваются, потому что иначе голос дрогнет, а он не должен. — Город красивый. Общежитие уютное, соседка хорошая. Не волнуйся.

— Ой, я так рада. — Она выдыхает, и в этом выдохе такое облегчение, что мне становится физически больно.

— Расскажи лучше, как ты? — опережаю ее, чтобы снова не переходить ко мне.

Она рассказывает. Про кота, опрокинувшего ее любимую орхидею. Про соседку, которая чуть не устроила пожар. Я смеюсь в нужном месте, в самом легком смешном месте, которое стоит мне невероятных усилий.

Она берет с меня обещание позвонить завтра.

— Обязательно. Спокойной ночи, мам.

Экран гаснет. Я сижу на кровати с телефоном в руке. Смотрю на стену напротив.

Стена ближе, чем была. Знаю, что это невозможно, знаю абсолютно точно, что стены не двигаются, но она ближе, и потолок опустился, и углы размываются по краям, как будто кто-то стирает их ластиком.

Делаю вдох. Воздуха мало.

Ещё вдох. Ещё меньше.

В ушах поднимается звон. Поле зрения сужается до темного тоннеля, и в конце этого тоннеля моргает фонарь за окном.

«Только не паника. Не сейчас. Всё хорошо, всё хорошо, всё хорошо».

Я сжимаю одеяло так, что немеют пальцы, и заставляю себя дышать медленнее. Вдох. Выдох.

Не получается.

— Злат? — Голос Тони откуда-то издалека. — Ты чего?

Рывком встаю, натягиваю толстовку на поверх футболки, хватаю телефон и наушники.

— Воздухом подышу, — бросаю, не оборачиваясь, и выхожу.

В коридоре легче. Здесь больше места. Пахнет чужим ужином и стиральным порошком, кто-то смеется. Жизнь идёт. Обычная.

— Куда это ты на ночь идешь? — Тётя Шура поднимает голову со стойки. — В одиннадцать закрою, не пущу!

Не отвечаю. Не могу. Если открою рот, вырвется что-то нечленораздельное.

Толкаю дверь плечом. И на меня набрасывается прохлада, запах влажной листвы и свободы.

Останавливаюсь прямо на крыльце. Закрываю глаза. Вдыхаю.

Воздух есть. Его много. Он выполняет лёгкие, вымывает

панику, осевшую на стенках, и с каждой секундой тоннель перед глазами становится шире.

Считаю удары сердца. Раз. Два. Три. Четыре. Ритм выравнивается.

Открываю глаза. Двор пустой. Фонарь моргает. Спускаюсь с крыльца, сажусь на скамейку в паре метров от входа. Вставляю наушники, включаю тот же плейлист.

Первые аккорды накрывают меня, как теплое одеяло.

Вот. Вот так.

Здесь никто ничего от меня не хочет. Не надо держать голос. Не надо улыбаться в темноте, чтобы кто-то на другом конце страны успокоился. Не надо быть лучше, удобнее, тише.

Запрокидываю голову. Между крышами клочок неба, мутного от городской засветки, и на нем всё-таки есть две звезды. Совсем плохо их видно, но они есть.

Впервые за весь день мне спокойно. Я снова закрываю глаза и наслаждаюсь моментом.

И в эту секунду я чувствую прикосновение к лицу.

Чужие пальцы. Холодные. Скользят по щеке.

Я вскакиваю так резко, что на секунду темнеет в глазах. Тело решает за меня: я толкаю темный силуэт в грудь изо всех сил, обеими ладонями.

— Не прикасайся ко мне!

Один наушник вылетает, ударяется о плитку. Телефон выскальзывает из рук следом, короткий сухой щелчок, из кото-

рого всё внутри обрывается ещё раз.

Я отступаю. Ещё шаг. Упираюсь в скамейку.

Дыхание сбивается, и я не вижу ничего, кроме темного пятна в двух шагах от меня. Ятно поднимает руки. Фонарь моргает. И только через пару секунд, в его дрожащем свете, я вижу лицо Марка Вольнова.

Глава 4

Злата

— Эй. Тихо. Тихо.

Он стоит с поднятыми ладонями, как будто перед ним не человек, а собака, которая может кинуться.

— Я тебя звал. Два раза звал. Ты не слышала.

Голос звучит как из-под воды. Один наушник всё ещё в ухе, и бас бьёт в правое полушарие, пока левое пытается собрать реальность обратно.

Марк медленно опускается на корточки. Подбирает наушник, потом телефон. Выпрямляется и протягивает их на раскрытой ладони.

Я смотрю на экран. По нему от угла до угла идёт трещина. Не одна, целая паутина, разбегающаяся из точки удара, и в свете фонаря она блестит, как иней.

И вот это меня добивает. Не пальцы на щеке. Не темнота. Не то, что я только что орала на весь двор. А тонкая, дурацкая, ничего не значащая трещина на стекле телефона, который я не смогу заменить, потому что все деньги приходят с одной карты и за каждый рубль придётся отчитываться.

В голове пусто. Совсем. Только адреналин гудит в ушах и

требует куда-то деть руки. Секунда. Две. И меня прорывает.
— Ты больной?!

Голос срывается на первом же слове. Я слышу это со стороны, и мне всё равно.

— Ты вообще нормальный?! Ты подошёл сзади! В темноте! Зачем?!

— Слушай...

— Какое тебе дело до моих наушников?! Какое тебе дело до меня вообще?! Что ты здесь делаешь?! Это общага, ты тут не живёшь, ты понимаешь?!

Я делаю шаг вперёд, потом сразу назад, потому что тело не знает, чего хочет: ударить или сбежать.

— Что тебе от меня надо?! Скажи прямо, что тебе от меня надо!

Он молчит. Смотрит очень внимательно, без ухмылки, без лениво поднятой брови. Просто смотрит, как смотрят на что-то, чего не ожидали увидеть.

От этого становится ещё хуже.

Я стою напротив него, в толстовке поверх домашней футболки, с трясущимися руками и мокрым лицом, и он всё это видит.

— Просто любопытство, — говорит он наконец.

— Что?

— Мне было любопытно. — Он пожимает плечом. — Всё.

— Любопытно, — повторяю я.

— Слушай, Серебров... — Он проводит рукой по затыл-

ку, и это первый неуверенный жест, который я у него вижу.
— Прости, если напугал.

«Если?!»

Я забираю телефон с его ладони, стараясь не коснуться пальцев. Не получается, задеваю, и его пальцы такие же холодные, как то прикосновение к щеке, и меня всю передёргивает.

— Вольный?! Здравова!

Голос со стороны крыльца. Какой-то парень вышел из общаги и узнал его даже в темноте. Ну конечно, Вольного тут все знают.

Марк поворачивает голову на звук.

Мне хватает этих полутора секунд.

Я иду к крыльцу быстрым шагом, обхожу его по широкой дуге. Оборачиваюсь на долю секунды, чтобы убедиться, что он не идёт следом. Он стоит на месте, засунув руки в карманы, и молчит. Он нашёлся бы за секунду, если бы захотел. Ему просто нечего сказать.

Тётя Шура поднимает голову от стойки, когда я влетаю внутрь.

— Ты чего такая? Случилось что?

— Ветер, — говорю. — Глаза слезятся.

Она щурится поверх очков, и я понимаю: не поверила ни на грамм. Но не спрашивает. Спасибо ей за это.

Поднимаюсь к себе. В комнате темно, Тоня лежит лицом к стене и дышит слишком старательно. Спит или делает вид,

не проверяю. Сажусь на кровать, не раздеваясь. Провожу большим пальцем по трещине, туда, обратно. Стекло цепляет кожу.

Что Вольный здесь потерял? Он что, специально ко мне пришёл? Ой! Да его вся общага знает, с чего я вообще решила, что ко мне?!

Ложусь, но спать не могу, смотрю в потолок, пока за окном не начинает сереть. Засыпаю где-то на границе, и кажется, проходит секунда, и в темноте пиликает будильник.

— Зла-а-ат, ну пожа-алуйста. — Тоня зарывается лицом в подушку. — Выруби. У меня нет первой пары.

Выключаю будильник и тихо собираюсь. Голова чугунная, в висках стучит. Очень быстро: хвост, джинсы, свитер, рюкзак. И выхожу.

В аудиторию вхожу вместе со звонком. Иду к своему месту у окна, скидываю рюкзак, достаю тетрадь, ручку. Всё на автомате.

И только успеваю сесть, как рядом кто-то плюхается так бесцеремонно, что моя ручка подпрыгивает на столе.

Ну конечно.

Я медленно поворачиваю голову, готовлю маску ледяного равнодушия.

Но это не Марк. Это его друг, сосед по парте. Высокий, жилистый, с полуухмылкой, приклеенной к лицу намертво. Развалился на стуле и разглядывает меня без всякого стеснения.

— Привет, золотце. Как твои дела?

— Тебе реально интересно? — Я возвращаюсь к тетради.

— Или просто делать нечего?

— И делать нечего, — соглашается он с готовностью, — и оооочень интересно. Я, кстати, Сахар.

— Сахар — это имя?

— Это лучше, чем имя. — Он подмигивает. — А ты Злата. Знаю. Весь курс знает: тебя сам декан к нам привёл. Вот это связи...

Я молчу. Обычно на этом люди отваливаются. Сахар подпирает щёку кулаком и смотрит на меня сбоку.

— Слушай, а ты откуда вообще? Ну, город какой?

Ручка идёт по строчке ровно. Я слежу, чтобы она шла ровно.

— Далеко. — Поднимаю на него взгляд. — Тебе конспект нужен или что?

Пауза. Секунда, не больше. Улыбка никуда не девается, она у него вообще не сходит. Но глаза на эту секунду становятся другими. Внимательными.

Он отметил. Я вижу, что он отметил.

— Да не, конспект у меня есть, — говорит он легко. — Понял, понял. Тайна, покрытая мраком.

— Сахар, отстань от неё.

Староста стоит рядом с партой и без всякой деликатности толкает его в плечо.

— Вставай давай. Мне со Златой поговорить надо.

— Кать, ну ты чего, мы только познакомились.

— Вста-вай.

Он поднимается с преувеличенным страданием на лице. И уже сделав шаг, оборачивается:

— Кстати, а где Вольный? Я ему всё утро звоню, он трубку не берёт.

— А я откуда знаю? — Катя даже не смотрит на него. — Я что, его секретарь?

— Ну вы же в одном доме живёте.

— И что? Дом большой.

Сахар фыркает и уходит к своим. А я сижу с ручкой в руке и понимаю, что перестала писать.

В одном доме...

Что-то неприятно проворачивается под рёбрами. Она его девушка? Живут вместе? Хотя какое мне вообще...

Катя садится на освободившийся стул, кладёт передо мной распечатку.

— Держи. Темы за первую неделю, которую ты пропустила, и что сдать до конца месяца. Мария Петровна просила передать, она, кстати, наш куратор. Внизу список литературы, двух книжек в библиотеке нет, могу скинуть в электронке.

— Спасибо.

Она смотрит на меня секунду и говорит ровно, не глядя в сторону:

— Вольный мне сводный брат. Если тебе интересно.

Я не успеваю сделать лицо. Она считывает вопрос с меня раньше, чем я его прячу.

— Да мне как-то всё равно, — пожимаю плечами.

Катя коротко кивает, как будто услышала именно тот ответ, которого ждала.

— Ага.

В этот момент дверь распахивается.

— Да ладно! — вопит Сахар на всю аудиторию. — Вольный воскрес! Ты куда пропал?!

Он летит навстречу, раскинув руки, как будто они не делились год, а не один день.

— Телефон сел.

Марк говорит спокойно, стягивая с плеча рюкзак. Хлопок по плечу принимает без энтузиазма.

— Сел, — повторяет Сахар с сомнением. — У тебя?

— У меня.

Выглядит нормально. Джинсы, тёмная толстовка, волосы уложены как всегда. Никаких следов вчерашней ночи, никакого «я стоял в темноте у чужой общаги и трогал за лицо девушку, которую видел вторую неделю».

А я ловлю себя на том, что смотрю. Не мельком. Долго. Как будто ищу на нём следы, которые подтвердили бы, что вчера вообще было. Он поднимает глаза и встречает мой взгляд. Прятать поздно. Он видел, сколько я смотрела.

Что-то в его лице меняется. Он не улыбается, не подмигивает, ничего из обычного набора. Просто идёт по проходу,

прямо к моему ряду.

Сахар что-то говорит вслед. Марк не отвечает.

— Привет, котёнок.

Катя не оборачивается к нему и продолжает разговаривать со мной.

— Ну, мы разобрались, инфу я донесла. Если что, обращайся.

— Угу, — киваю я, но смотрю не на неё. Смотрю на Марка.

Он стоит возле нас, не проходя к своему месту. Руки в карманах джинсов. Что ему от меня надо? Припёрся вчера к моему общежитию, а теперь взгляд не сводит.

Катя замечает это и закатывает глаза.

— Ладно, миссия выполнена, — говорит она и приподнимается. Встаёт напротив Марка, смотрит ему в глаза. Он переключается на неё, подмигивает.

— Как ты, сестрёнка?

— Тебе чего? — совсем не дружелюбно спрашивает Катя.

— Жду, пока ты свалишь, а я присяду. — Он кивает на только что освободившееся место рядом со мной.

У меня внутри неприятно сжимается. В смысле «присяду»? Зачем ему садиться рядом со мной?

Катя зло фыркает в ответ и идёт на своё место.

Марк смотрит ей вслед, потом переводит взгляд на меня. Секунду. Две. Я не отвожу глаза, но и не показываю, что меня это задевает.

— Привет, — негромко произносит он.

— Привет, — так же тихо отвечаю я. Притягиваю распечатку Кати, открываю конспект, пытаюсь включить безразличие. Но какого-то чёрта не получается, и сердце начинает колотиться как бешеное.

— Могу присесть?

— Ну если это тебе так сильно необходимо...

Почему-то не говорю заготовленный ответ. «Нет».

А он берёт и садится! Стул скрипит под ним. Он ставит локти на парту, достаёт тетрадь, которой явно не пользуется. А я сижу и не могу понять, что я только что сделала.

У меня был один нормальный ответ. Он занимал три буквы. Я знала его до того, как он открыл рот. Дура ты, Сереброва.

Глава 5

Злата

Вольный откидывается на спинку стула и поворачивает голову ко мне. Смотрит. Ждёт. Я чувствую этот взгляд кожей: он ложится на плечи, скользит по шее, цепляется за пальцы, сжимающие ручку. Я не поднимаю головы. Не доставлю ему этого удовольствия.

— Сереброва, — произносит он тихо, так, чтобы слышала только я. — А ты всегда такая колючая, или это мне так повезло?

Я дописываю строчку. Ставлю точку. Только потом отвечаю, ровно:

— Тебе повезло.

— Повезло, значит. — В голосе лёгкая усмешка. — Почему же ты такая... — пауза, будто подбирает слово, — недоступная?

— Экономлю время.

— Моё?

— Своё.

Он выдыхает смешком, коротко и беззлобно. И не отступает. Такие, как он, вообще не умеют отступать.

— На выходных к Дэму едем, — говорит он в пространство, лениво. — Дом за городом, три этажа, бассейн подогреваемый. У меня, кстати, новая тачка: отец на прошлой неделе пригнал.

Я пишу.

И вот тут отвлекаюсь на секунду. Не из-за машины. Из-за того, как он это говорит. Он не хвастается, он проверяет. Кладёт передо мной новые игрушки, как приманку, и смотрит, шевельнусь я или нет. И когда не шевелюсь, у него на скуле дёргается желвак. Не как у человека, которого не впечатлили. Как у человека, у которого не сходится задачка.

— Ты вообще меня слышишь?

— К сожалению.

Он наклоняется ближе. Плечо входит в границу, которую я держу вокруг себя всегда, со всеми, без исключений. Парфюм приходит первым: холодный кардамон, что-то горькое.

И в этот момент его пальцы обхватывают мою ручку. Прямо в моей руке. Он забирает её легко, я не успеваю ничего понять.

— Верни.

— Верну. — Он крутит её между пальцами. — Ты за пять минут написала полстраницы. Ты вообще эту лекцию слушаешь?

— Верни ручку.

Он кладёт её на парту. Между нами, не в руку.

— Кусаться-то зачем.

Я забираю ручку и кладу ладонь поверх: глупый жест, и я это знаю.

— А что ты любишь, Сереброва?

Шёпотом. Совсем тихим, будто мы одни в этой переполненной аудитории. Шёпот находит меня раньше, чем смысл слов, и по позвоночнику, против моей воли, пробегает дрожь.

Мне это очень не нравится.

Я поднимаю голову и смотрю прямо на него. Впервые за всю пару. Вблизи он другой. Тёмные глаза, внимательные. Глаза слишком умные для мажора.

И это сбивает сильнее, чем шёпот.

— Тишину, — говорю.

Пауза.

— Одиночество.

Наклоняю голову чуть набок.

— У нас с ними отличные отношения. Ты сюда не вписываешься.

Он не отводит взгляд. Держит его так, будто пытается разглядеть, что под маской, и злится, что не видит.

— Вольнов. Ты мне не нравишься. Я сказала «нет». Это слово тебе знакомо?

На его лице мелькает удивление. Челюсти сжимаются, взгляд на секунду становится колючим, почти злым. Но он быстро берёт себя в руки.

— Знакомо, — отвечает ровно. — Просто не привык его

слышать.

— Привыкай! Это полезно для иммунитета.

Он смотрит ещё пару секунд. Потом откидывается назад и произносит почти неслышно, так, что я сомневаюсь, не показалось ли:

— А ты всё-таки интересная, Сереброва...

— Молодые люди, я вам не мешаю?

Голос Марии Петровны врезается в тишину так резко, что я вздрагиваю всем телом. Когда она успела подойти? Я была так поглощена этим поединком, что не слышала ни лекции, ни аудитории, ничего.

Это пугает меня отдельно.

— Да не, Марусь Петровна, не мешаете. — Марк подаётся назад, лениво, будто они разговаривают на равных. — Я бы сказал, если что.

— Вольнов! Прекрати паясничать!

Она размахивает указкой, и я вижу, как дрожат её пальцы. Марк даже не морщится. Просто встаёт, закидывает рюкзак на плечо.

— Как я смею. Простите. Мне надо выйти, дела.

И идёт к двери. Мария Петровна открывает рот. Закрывает. И продолжает с того места, где остановилась.

Второй раз за две недели я вижу, как ему это сходит с рук. А у меня одна карта, с которой надо отчитываться за каждый рубль, и одно неверное движение, и заберут документы. Мне нельзя опоздать, нельзя пропустить, нельзя быть заметной.

Я хожу по этому универу так, будто под ногами лёд.

А он ходит по нему в белых кроссовках, и лёд под ним даже не думает трескаться.

После пар Вольный ждёт в коридоре у окна. Не подпирает стену, не смотрит в телефон. Просто стоит и ждёт меня. И как только видит меня в проёме двери, сразу делает шаг ко мне.

— Пропусти.

— Я не держу. — Он отступает в сторону, и от этого становится только хуже. — Две секунды. Я видел твой телефон, он разбился из-за меня. Какая у тебя модель? Я закажу новый. Или поедем после пар, сама выберешь. Мне без разницы.

Он говорит это так спокойно. Так, будто речь о ручке, которую передают через парту, а меня как будто ударили.

— Ты серьёзно сейчас?

Голос идёт вверх сам. Я слышу, как он идёт вверх, и не могу его поймать.

— Я похожа на человека, которому можно что-то купить?! Ты купишь мне телефон, и что дальше?! Что я тебе за него буду должна?!

— Ничего ты не будешь...

— Мне ничего от тебя не нужно! — Уже почти крик. — Ни телефона, ни машины твоей, ни бассейна твоего, ничего!

Кто-то у соседней двери оборачивается. Потом ещё кто-

то. И внутри холодной строчкой идёт мысль: остановись, ты перегнула, он предложил тебе обычный телефон, а ты орёшь на весь этаж.

Но я не могу остановиться.

— И держись от меня подальше, — выговариваю уже тише, но с такой силой, что горло дерёт. — Просто держись подальше. Пожалуйста.

Тишина. Марк отступает на полшага. Не отшучивается, не поднимает бровь. Смотрит так, будто я вдруг заговорила на незнакомом языке.

Разворачиваюсь и иду по коридору, вцепившись в лямку рюкзака так, что немеют пальцы.

— Сереброва.

Тихо. Без вызова. Скорее себе, чем мне.

— Ты что, решила, что я хочу купить тебя за телефон?

Я останавливаюсь. Не оборачиваюсь. Просто стою посреди коридора спиной к нему, и коридор вокруг вдруг становится очень длинным и очень узким.

Купить меня?!

Полгода. Каждую ночь, с незнакомых номеров, чужими голосами. Люди, которых я никогда не видела, спрашивали, сколько я стою, называли суммы и смеялись, когда я молчала. Я меняла номер трижды. Мама плакала в соседней комнате и делала вид, что не слышит.

Я уехала за полторы тысячи километров, чтобы этого слова больше не существовало.

А теперь его произносит, стоя у меня за спиной, парень, которого я знаю две недели.

Откуда.

Откуда он взял именно это?

Я не отвечаю. Иду, не оборачиваясь.

Дальше время сжимается. Сентябрь кончается, начинается октябрь, деревья вдоль аллеи желтеют неровными пятнами, и я не могу вспомнить ни одного отдельного дня.

Пару дней Вольный не подходит вообще. И я ловлю себя на том, что каждый раз проверяю задние ряды взглядом. Я добилась ровно того, чего требовала в коридоре. Он держится подальше. Так почему мне от этого не становится лучше?

Зато помню Тоню. Я думала, она отстанет после моего «не сегодня», но она, кажется, вообще не умеет отставать. Прихожу с пар, на тумбочке кружка с чаем, ещё горячая: «Чёт прохладно, я замёрзла, сделала себе и тебе заодно». Однажды спрашивает, что у меня вечно в наушниках, и я отвечаю. Называю группу. Потом вторую. Говорю минут пять подряд и, только когда замолкаю, понимаю, что впервые за месяц с кем-то по-настоящему разговаривала. Тоня сидит с круглыми глазами и молчит. Боится спугнуть, наверное.

В группе при виде меня идут перешёптывания. Катя единственная, кто не косится: садится рядом деловито, без всяких «можно?», и ни разу не спрашивает, откуда я и почему перевелась.

Зачем им это? Обеим. Последняя моя подруга тоже была

очень хорошая. До того дня, когда её попросили рассказать всё как было. И она рассказала. Не так, как было.

А Вольный меняет тактику. Он больше не садится с Сахаром на задних рядах, он садится на два ряда позади меня, наискосок, оттуда, откуда меня видно. Каждый раз. Роняю распечатку между рядами, он проходит мимо, поднимает и молча кладёт на край парты. И ещё: он перестал при мне говорить про деньги. Ни про машину, ни про дом за городом, ни про то, кто что кому подарил. Как будто вычеркнул целую тему из словаря.

Сегодня последняя пара заканчивается рано. На крыльце достаю наушники, нажимаю play, и реальность растворяется. Сворачиваю в парк, так короче до общаги. Листья жёлтые, и золотые прожилки и рыжие пятна. Облака несутся на запад, будто опаздывают. Им хорошо, у них есть направление.

Через пару минут чувствую, что рядом кто-то идёт. Не обгоняет. Держится на одной линии со мной, шаг в шаг, будто мы вместе. Кончики пальцев мгновенно холодеют. Считаю людей на аллее: женщина с коляской далеко впереди, двое парней на скамейке. Мало. Но если что, я не одна.

Поворачиваю голову и замираю. Марк Вольнов. Руки в карманах расстёгнутой куртки, взгляд прямо перед собой, будто он тут всегда ходит и вообще меня не заметил. Я оста-навливаюсь так резко, что рюкзак бьёт по лопаткам. Он делает ещё три шага, прежде чем понимает, что меня рядом нет, оборачивается и что-то говорит.

Вынимаю наушник. Первое поражение за сегодня, и я понимаю это ровно тогда, когда бас затихает в ухе.

— Пора бы мне привыкнуть, что ты всё время в своём мире. — Он чуть качает головой. — Почему ты остановилась? Так хорошо шли.

У меня даже рот приоткрывается. На лице у него безумное, ненормальное спокойствие человека, которого я недавно чуть ли не прямым текстом послала куда подальше.

Он делает шаг ближе и поднимает руку. Я не успеваю среагировать: его пальцы уже у моего виска. Он снимает с волос сухой лист, показывает мне и отпускает. Лист падает между нами.

— Не трогай меня.

— Понял.

Он убирает руки обратно в карманы. Но не отходит.

— Вольный, у тебя с головой всё в порядке? — на полном серьёзе спрашиваю я.

Он наклоняет голову вбок, будто обдумывает ответ.

— Пока никто не жаловался. Да и меня всё устраивает. — Он кивает вперёд, в глубину парка. — Пойдём, ещё погуляем. Мне понравилось.

— А мне нет!

Я пытаюсь обойти его слева. Он смещается в ту же сторону, лениво, будто просто переступил с ноги на ногу. Я вправо, он так же преграждает путь.

— Вольный...

— Две минуты, — говорит он. — Потом иди куда хочешь, я не пойду следом. Слово.

Я стою. Он молчит. Смотрит на носки своих кроссовок и всё-таки начинает:

— Короче. — Он проводит рукой по затылку. — Тогда, с телефоном... Ну, я, походу, сказал что-то не то. Я не хотел, чтобы это так прозвучало.

Это самое кривое извинение, которое я слышала в жизни. Я молчу, потому что не знаю, что с этим делать. А он поднимает на меня глаза и спрашивает прямо, без игры, без своего шёпота:

— Тебя кто-то обидел?

Внутри всё останавливается.

— Что?

— Кто-то тебя обидел, — повторяет он. Не как вопрос уже, а как факт. — Кто?

Асфальт под ногами вдруг перестаёт быть твёрдым, и я, кажется, сейчас в него провалюсь. Второй раз за месяц он берёт и попадает. Не в бровь, а в самое сердце. Сначала «ты что, решила, что я хочу купить тебя». Теперь это.

Мы знакомы месяц. Он не знает, из какого я города, не знает, как зовут мою маму. Он вообще ничего обо мне не знает.

Так откуда он берёт именно те слова, которые попадают? Угадывает?

Или знает?

«Откуда ты это взял?» Четыре слова, я могу их сказать прямо сейчас.

Не говорю. Потому что спросить — это признать, что есть что знать. Это открыть дверь, которую я заперла полторы тысячи километров назад, и он в неё войдёт, потому что такие, как он, всегда входят.

Я толкаю его в плечо. Обеими руками, коротко, зло.

— Ты ненормальный! Отстань от меня!

Он слегка пошатывается. Не сопротивляется совсем. Потом делает полшага в сторону, освобождая проход. Как будто разрешает. Или проверяет, уйду ли я.

Я иду.

— Сереброва, — кричит он вслед, — может, мне свой плейлист скинешь? Я уверен, он мне тоже понравится.

— Сомневаюсь, — бросаю через плечо. — Для таких больных, как ты, эта музыка не подойдёт.

Остаток дороги я почти бегу. Он сказал, что не пойдёт следом, и не пошёл. Я проверила дважды.

Влетаю в комнату и торможу на пороге. У Тони на кровати сидит Катя. Между ними телефон, из динамика льётся что-то корейское, на тумбочке две кружки и вскрытая пачка мармелада. В моей комнате сидит староста и пьёт чай с моей соседкой. Я целый месяц не знала, что они знакомы. И, судя по всему, они тоже не знали, что у них есть общая знакомая.

— Да ладно! — Катя приподнимает бровь. — Ты живёшь с Тоней?

— Мы с Катей со школы дружим, — тут же оживляется Тоня. — И в этой комнате жили вместе. А потом мои родители переехали, а её мама вышла замуж, и она перебралась в замок Вольнова старшего...

— Тонь. — Катя резко перебивает её. — Злате вряд ли всё это интересно.

Тоня осекается. Её улыбка тускнеет, она смотрит на Катю, потом на меня, потом снова на Катю.

— Ты права, — говорю я, бросая рюкзак на стул. — Мне реально не интересно.

Ложусь поверх покрывала, притягиваю к себе большого плюшевого гуся и вставляю наушники. Катя вскоре начинает собираться, Тоня тоже. Уже в дверях Тоня оборачивается ко мне:

— Зла-ат, мы в «Оскар» едем. Поехали с нами?

— Нет, я не хочу.

Дверь закрывается.

Я лежу и считаю. Десятого сентября меня завели в аудиторию. Сегодня десятое октября. Месяц. Я ехала сюда, чтобы стать невидимой. Раствориться в новых стенах, новой тишине. Ни с кем не знакомиться, никого не впускать, ничего не чувствовать.

За месяц: обо мне говорит весь курс, у меня в комнате пьют чай две девушки, которые прямо метят в мои лучшие подруги, а ненормальный красавчик ходит за мной по пятам, и я до сих пор не знаю, чего он хочет.

Отличная работа, Сереброва. Всё прямо по твоему плану.

Глава 6

Марк

Захожу в дом и первым делом прислушиваюсь. Тишина. Ни голосов, ни звона посуды на кухне, ни телевизора из гостиной, ни каблуков по плитке. Никого. Зашибись. Сегодня мне нужно именно это. Настроение и без того дерьмовое. Утром, перед универом, заезжал к маме. Купил белые хризантемы, она их любила. Стоял у ограды, смотрел на холодный серый камень, на выгравированную дату, которую я никогда не смогу забыть. Сегодня очередная годовщина. Сколько их уже прошло? Сбился со счёта. А боль не уходит. Просто привыкаешь к ней, учишься жить с ней, как с фоновым шумом, который то затихает, то снова нарастает до гудения в ушах.

Захожу в свою комнату, закрываю за собой дверь, скидываю куртку на кресло, стягиваю толстовку, падаю на кровать поверх покрывала. Смотрю в скошенный потолок. Потом поворачиваю голову. На тумбочке фотография в простой деревянной рамке, одна из немногих, на которой мы вместе и на которой мама улыбается. Поднимаюсь и беру её в руки. Люди в кино разговаривают с фотографиями. Говорят что-

нибудь вроде «привет, мам, я скучаю».

У меня не выходит. Ни разу не вышло.

Провожу большим пальцем по стеклу, всматриваюсь в её лицо. Каждый год стирается ещё одна деталь. Мягкая улыбка, голос: я уже не уверен, что помню их настоящими, а не придуманными заново. Тёплая ладонь на затылке. Поглаживание по спине, когда я ревел в детстве. Запах духов. И почти всё. Дальше пустота. Это бесит так сильно, что внутри начинает жечь. От этого хочется выть. По-настоящему, позвериному, уткнувшись лицом в подушку, чтобы никто не слышал.

Зато отлично помню другое, то, что не стирается, сколько бы лет ни прошло. Стальной голос отца. Их ссоры за закрытыми дверями. Её заплаканное лицо и вечное «я устала, сын, давай потом», которое почти никогда не наступало. Я думаю, он ей изменял. Ненавижу его. Это он виноват. Доказать не могу, но нутром знаю: и в скандалах, и в её смерти, и в той аварии, во всём его вина.

Кладу фотографию обратно на тумбочку и плюхаюсь снова на спину. Покой длится минут пять. Сначала за дверью какая-то возня. Шёпот. Возмущённое шипение, которое слышно лучше, чем нормальный голос. Потом стук. Едва слышный, будто стучат кончиками пальцев. Не отвечаю. Может, отвалится.

— Ты больная, что ли?! Пошли отсюда!

И в этот же момент дверь моей комнаты распахивается.

На пороге стоят двое: злая Катя и её подруга с улыбкой до ушей. Кажется, Таня. Или Тоня? Да по хрен. Я её, вроде, видел пару раз мельком.

— Привет, Марк, — она смело делает шаг вперёд и улыбается так, будто мы старые друзья.

Я лениво приподнимаюсь и сажусь на кровати.

— Пока, Марк! — шипит Катя, хватая подругу за руку, дёргает обратно, к выходу.

— Да погоди ты! — вырывает та руку.

— Да, котёнок, погоди, — усмехаюсь я.

И, как всегда, попадаю точно в цель. Ноздри Кати раздражённо раздуваются. Она резко поворачивает голову в мою сторону, сверля взглядом.

— Тоня! — уже строже говорит она и косится на подругу. Но руку отпускает.

— Маа-арк, — тянет Тоня, как лиса, и тут же делает шаг ближе ко мне. — А ты нас с Катей не отвезёшь в «Оскар»? За нами должны были заехать, но как-то не по плану всё пошло. А на такси не хочется.

Она складывает ладони вместе и смотрит на меня своими огромными глазами. Переигрывает ужасно. Но забавно. Я поднимаю взгляд на Катю: она уже заранее недовольна. Стоит у двери, скрестив руки на груди, и явно жалеет, что вообще привела подругу.

— Конечно, подвезу, — киваю серьёзно. — Я же её личный водитель. Катаю сестру и её подружек по первому тре-

бованию.

— Отлично! — Тоня хлопает в ладоши, будто услышала то, что хотела. Глаза её сверкают, она даже не улавливает сарказма в моём тоне. Или делает вид, что не улавливает.

— Да прикалывается он, — отрезает Катя из-за её спины.
— Разве не видишь, что ли? Идём.

Тоня разочарованно смотрит на меня и тянет:

— Ну, Марк...

Но я молчу, и она уже собирается выйти следом за подружкой, которая ждёт в коридоре. И тут у меня в голове щёлкает одна очень интересная мысль.

Поднимаюсь с кровати.

— Так и быть, сестрёнка, — повышаю голос, чтобы Катя услышала. — Не брошу тебя и твою подругу в беде.

Катя оборачивается. Подозрительно прищуривается.

— Но за услугу... — добавляю я.

— Даже слушать не хочу, — сразу отвечает она. — Сто процентов бред. Я...

— Подружись с Серебровой!

Слова вылетают раньше, чем я успеваю их обдумать. Но, услышав себя со стороны, понимаю: а ведь идея-то рабочая. Катя ведь староста. У неё сто законных поводов подойти к человеку, и она ничего не заподозрит. А там и подружки, и разговоры, и в гости, и всё остальное. Мне нужен кто-то, кто откроет дверь. Сам я в неё месяц бьюсь лбом.

Катя смотрит на меня секунды три.

— Тебе надо, ты и дружи, — бросает резко.

Я хмыкаю. Вообще не удивлён, даже не ожидал другого ответа. Катя не из тех, кем можно манипулировать напрямую, но я решил попробовать.

Когда я уже готов отступить, в разговор вклинивается Тоня.

— Это со Златой, что ли? — Она переводит взгляд с Кати на меня. — С моей соседкой в общежитии?

Катя тихо матерится себе под нос, а я на секунду зависаю. Интересно. Очень интересно. Внутри сразу начинает прокручиваться десяток мыслей, одна лучше другой.

— С соседкой, говоришь? — медленно повторяю, уже прикидывая, насколько это может быть полезно.

Подхожу к Тоне, беру её под руку. Она даже не сопротивляется, наоборот, прижимается, улыбается. Ей льстит такое внимание.

— И куда там вас надо подвезти? — спрашиваю, увлекая её к лестнице.

— В «Оскар»! — радостно говорит Тоня. — Там сегодня диджей Кай будет, ты прикинь? Говорят, у него вообще нереальные сеты, и ещё...

Дальше идёт поток слов. Быстрый, шумный, бесконечный. Я слушаю вполуха, киваю в нужных местах, улыбаюсь, замечаю сеструху, которая плетётся рядом с лицом человека, мечтающего нас обоих придушить.

Мы спускаемся по лестнице. Тоня не умолкает ни на се-

кунду, постоянно цепляется за перила, едва не пропускает ступеньки, Катя пару раз дёргает её за локоть, чтобы та не убилась. Выбираю момент, когда Тоня наконец замолкает, чтобы перевести дыхание, и спрашиваю:

— Злата тоже с вами едет?

— Неа. — Тоня машет рукой. — Мы ей предложили, но она отказалась. Она вообще странная, правда, Катя? Всё время в своём мире, всё время в наушниках. Вообще разговаривает мало...

И понеслось. Тоню уже не остановить. Но я не пытаюсь. Она выдаёт много полезной информации:

Что Злата ни с кем не общается. Вообще ни с кем. Что в комнате у неё почти ничего нет: рюкзак, две толстовки и старая плюшевая игрушка, и ничего дороже наушников, которым лет сто. Что телефон у неё разбитый, и она его не меняет. Что на выходные домой не поехала, и когда Тоня спросила почему, она просто перевела тему.

— Тонь. — Катя пытается перебить. — Тонь, хватит.

— А что? — Тоня оглядывается на неё. — Я же ничего плохого не говорю!

Она смотрит на Катю в поисках подтверждения, выжидающе хлопая ресницами. Катя молчит и раздражённо толкает входную дверь. Мы практически нос к носу сталкиваемся с моим отцом и его женой.

— Куда это так дружно молодёжь? — голос отца разносится по холлу, гулкий, привычно-властный.

Я внутренне напрягаюсь.

Он стоит на пороге, заложив руки за спину. Как всегда, выглядит так, будто только что вышел со съёмок рекламы дорогих часов. Рядом его жена. На ней длинное чёрное платье, идеально сидящее по фигуре, волосы уложены, на шее жемчуг. Они явно только что вернулись не с вечерней прогулки по парку.

— Мы сегодня в клуб пойдём. — Катя одёргивает короткую юбку, поправляет ремешок сумки на плече. — Mam, помнишь, я тебе говорила.

— Да-да, я помню. — Мачеха улыбается. Улыбка мягкая, как и вся она. И мне бы ненавидеть ту теплоту в её взгляде, с которой я сталкиваюсь каждый раз, когда она смотрит на меня. Но я не могу. Я ненавижу своего отца за то, что рядом она, а не моя мама.

— Хорошо отдохните, — произносит мачеха.

— Марк, хорошо позаботься о девочках. И не оставляй их одних. — Отец жестом пропускает нас вперёд. Широким, царским жестом, будто он не дверь открыл, а ворота замка.

Кланяюсь царю. Настоящий театральный поклон: кладу руку на грудь, наклоняю спину, опускаю голову. И резко выпрямляюсь, довольный своим жестом. Тоня хихикает где-то сбоку. Катя закатывает глаза. А отец мгновенно каменеет. Разворачиваюсь и спускаюсь, перепрыгивая через две ступеньки крыльца.

— Марк! — голос отца бьёт в спину.

Я останавливаюсь и неохотно оборачиваюсь.

— Оставь его, не напрягай, — говорит мачеха. — Пусть дети идут уже.

Её рука мягко ложится на плечо отца.

«Дети?!»

Чудесно!

Отец сжимает челюсть. Я вижу это даже отсюда. Он явно собирался прочитать мне очередную лекцию о поведении, уважении и прочей корпоративной херне.

— Хорошо, любимая, — улыбается он ей. — Пойдём.

«Любимая?!» Передо мной мог бы и воздержаться. Сукин сын!

У меня внутри будто кто-то чиркает спичкой. Я делаю большой шаг в их сторону.

— Только не начинай... — выдыхает за спиной Катя.

Но поздно.

— Я так предполагаю, сегодня у тебя не нашлось свободной минуты, чтобы посетить могилу мамы.

Повисает тишина. Краем уха слышу, как Катя говорит Тоне: «Идём в машину, присядем». Подруга что-то шепчет ей в ответ, и затем хлопают дверцы. Я не отвожу взгляд от «сладкой парочки». Мачеха опускает глаза и проскальзывает в открытую дверь. Отец устало вздыхает и тоже отворачивается. Смотрит куда-то в сторону, на газон, на машины, на что угодно, только не на меня.

— Да, ты прав, — говорит он тихо. — Сегодня было много

встреч...

— Да мне по херу, — выплёвываю я. — Всё как обычно. Даже не удивлён. Мама никогда не была у тебя на первом месте.

Разворачиваюсь и иду к машине.

— Марк! — кричит отец вдогонку.

— Да пошёл ты, — шепчу я себе под нос. И делаю вид, что не слышу.

Сажусь за руль и не могу сразу попасть ключом.

— Куда мы там едем? — спрашиваю, поглядывая в зеркало на девушек.

— В «Оскар», — тихо говорит Катя.

Я завожу двигатель. Рёв мотора заглушает всё. И это единственное, что меня сейчас спасает.

Всю дорогу Тоня трещит. И теперь, уже зная, что мне это интересно, трещит в основном про Злату. Это её новая валюта, и она её тратит щедро. Катя молчит и смотрит в окно. Один раз ловит мой взгляд в зеркале заднего вида. Я отвожу первым.

Телефон в подстаканнике загорается. Вика. Сбрасываю. Загорается снова. Сбрасываю. Я обещал ей сегодня заехать. Забыл. Разберусь потом. Останавливаюсь у клуба. Девчонки вываливаются наружу, Тоня задерживается и спрашивает:

— Ты же идёшь?

— Да, только припаркую машину.

Смотрю, как они идут в сторону входа. Тоня ещё раз огля-

дывается и машет мне рукой. Отлично, вот и выход.

— Ладно, Сереброва, — говорю в пустой салон. — Не хочешь по-хорошему, зайду с другой стороны.

Глава 7

Злата

Глубокая ночь, за окном чернильная тьма, только редкие фонари разгоняют её жалкими жёлтыми кругами. Лежу, уставившись в потолок, считаю трещины. Десятая... Одиннадцатая... Не помогает.

Наушники всё ещё в ушах, плейлист по пятому кругу. Обычно музыка глушит мысли. Сегодня бесит каждый аккорд, каждый удар бас-бочки. Срываю наушники, швыряю на тумбочку. Может, тишина успокоит. Переворачиваюсь на живот, зарываюсь лицом в подушку.

Хуже. В ушах начинает звенеть, сначала едва слышно, потом громче, звук заполняет голову, и спрятаться от него некуда. Переворачиваюсь на бок, сжимаюсь в комок, натягиваю одеяло до подбородка. Потом накрываю голову подушкой, надеясь, что она заглушит шум. Не помогает. Только хуже. Я со злостью срываю подушку и швыряю на пол.

И в этот момент неожиданно громкий стук в дверь заставляет меня подскочить с кровати и возвращает в реальность.

Резкий, настойчивый стук. Три удара, потом пауза, потом ещё два. Сердце колотится ещё сильнее. Кому и что нужно

от меня в два часа ночи?

— Сереброва! — Голос узнаю сразу. — Открой!

Вольный! Какого хрена?

— Злата, блин, открой! — Снова стук, на этот раз громче.

— Иначе сейчас вся общага сбежится пожелать тебе спокойной ночи.

Включаю свет, одёргиваю растянутую футболку пониже. На мне только она и короткие домашние шорты. Волосы спутаны после бесконечных попыток уснуть. Наверное, выгляжу ужасно. Хотя какая разница. Господи, чего он прилип ко мне?! Подхожу к двери, прикладываю ухо к холодному дереву. Слышу шорох и бормотание Вольнова.

— Я знаю, ты там. Или открывай, или я найду способ войти сам.

Прикрываю глаза на секунду. Вот же гад! Если не открою, он не перестанет шуметь. Резко отпираю замок и распахиваю дверь.

— Ты охренел?! — выкрикиваю.

Потом сразу вспоминаю, что люди спят, и перехожу на яростный шёпот:

— Два часа ночи, Вольнов! Что ты здесь делаешь? Как ты вообще сюда попал?

Молчит, просто стоит и смотрит. Медленно проходит глазами с головы до ног. Буквально чувствую этот взгляд на себе. По позвоночнику пробегает неприятная волна. Подбородок сам собой взлетает вверх. Скрещиваю руки на груди в

ожидании ответа.

— Комендант, — отвечает он с пьяной усмешкой, — хороший друг мой.

Он делает шаг вперёд, переступает порог, и я чувствую, как он вторгается в моё пространство. За ним тянется шлейф алкоголя вперемешку с его одеколоном. Он поворачивается ко мне, достаёт из кармана куртки смятую купюру, крутит её между пальцев. Потом снова прячет, улыбаясь собственной шутке, но промахивается мимо кармана, и деньги падают на пол.

— Чем крупнее купюра, — продолжает он, — тем лучше друг у тебя. Ты же сама это прекрасно знаешь, Сереброва...

Я не отвечаю, просто смотрю на него. На его руки, которые слегка дрожат. В его тёмные глаза, которые блестят. И хоть он улыбается, ухмыляется, шутит, как ему кажется, сейчас в них нет привычной насмешки. Наоборот, какая-то грустная усталость.

— Ты пьян...

— Есть такое, не отрицаю, — кивает он, покачиваясь.

— Убирайся вон, — указываю ему на открытую дверь.

— Не уйду. — Он проходит вперёд, вглубь комнаты, спотыкается о подушку, которую я ранее швырнула на пол, и с грохотом падает, матерясь.

— Господи, дай мне терпения, — говорю себе и закрываю дверь, чтобы на шум реально не сбежалось всё общежитие.

Оборачиваюсь и обнаруживаю Вольнова лежащим на по-

лу с таким видом, будто это именно то место, где он и собирался оказаться. Моя подушка уже перекечевала ему под голову. Руки раскинуты. Глаза закрыты. Идеальная картина человеческого идиотизма.

— Ты совсем больной?

Подхожу ближе, нависаю над ним, упирая руки в бока.

— Почему ты пришёл именно ко мне? Пошёл бы к своей девушке в два часа ночи!

Он открывает глаза. Смотрит на меня с той же пьяной ухмылкой, расслабленной, наглой, сводящей с ума.

— Она спит, наверное, — отвечает спокойно, будто это всё объясняет.

Закидывает руки за голову, устраивается удобнее. И продолжает пялиться на меня. Как сытый кот, который забрался на чужой диван и не собирается уходить.

— А я, по-твоему, не сплю?

— Ну вот, — он кивает в мою сторону, — стоишь, смотришь на меня. Значит, не спишь.

— Вставай давай, пьяный ты придурок. — Пинаю его ногой. Не сильно, но чтобы почувствовал. — Я, значит, не сплю?! Да?!

— Больно же! — Он морщится, корчится на полу, драматично хватается за ногу, но смеётся. — Ты чего ко мне прицепилась?

— Это ты ко мне припёрся, идиот!

Он пытается встать. Первая попытка неудачная. Он опи-

рается на локоть, но падает обратно. Хватается за край кровати, подтягивается. Со второй попытки ему наконец удаётся подняться. Стоит, слегка покачиваясь, и смотрит на меня сверху вниз. В его глазах что-то странное. Что-то, чего я раньше не замечала. Или не хотела замечать. У меня внутри неприятно сжимается живот. Марк вдруг переводит взгляд на подушку на полу, потом снова на меня. И совершенно серьёзно заявляет:

— О, я вижу, тебе нравится половая жизнь?!

— Чего?

— Половая, говорю. — Он кивает на пол.

Смысл его слов доходит до меня с задержкой, но я уже не думаю. Я хватаю подушку с пола и начинаю колотить ею Вольнова. Со всей силы, со всей злостью, которая копилась внутри весь этот день, всю эту неделю, весь этот год.

— Вали отсюда! Ты маньяк ненормальный!

Подушка несколько раз прилетает ему в плечо, в грудь, в голову. Но вместо того, чтобы отступать к двери, Марк перехватывает подушку на лету, выдёргивает из моих рук и швыряет на кровать. Замахиваюсь, чтобы ударить его, кулаком, ладонью, чем угодно, но он перехватывает мою руку за запястье. Я замахиваюсь снова, другой рукой, но и она оказывается в его хватке. Дёргаюсь, пытаюсь вырваться, но он держит слишком крепко.

— Почему мне кажется, что ты совсем не такая, Сереброва? — Его голос звучит глухо, он резко притягивает меня к

себе.

Мы оказываемся лицом к лицу, слишком близко. Чувствую его дыхание, тёплое, с горьковатым запахом алкоголя. Ощущаю жар его тела через тонкую ткань футболки. Слышу, как бьётся его сердце, или это моё? Я уже не различаю.

Он смотрит в мои глаза. Пристально. Не отрываясь. Будто пытается заглянуть куда-то глубоко, туда, куда я никого не выпускаю.

И в этот момент внутри меня что-то обрывается. Я уже не могу контролировать панику. Она поднимается откуда-то из живота, сжимает грудную клетку, перехватывает горло. Перед глазами всё плывёт. Стены комнаты сменяются другими стенами. Его лицо сменяется другим лицом. Та же близость. Та же хватка на запястьях. Тот же запах алкоголя. Тот же страх, который я поклялась себе никогда больше не чувствовать.

— Отпусти меня... — шепчу, дёргая руками. Голос дрожит, ломается. Я не узнаю его. — Отпусти, пожалуйста...

Но он не отпускает. Держит крепко.

— Почему ты ведёшь себя не так, как я этого ожидал? — Его пальцы сжимаются сильнее.

Он резко разворачивает меня и прижимает к стене. Холодная поверхность впивается в спину. Его тело вжимается в моё. Он наклоняется, и я чувствую его губы в нескольких миллиметрах от моих.

— Прошу тебя, — шепчу ему. — Не надо... Я не хочу...

Закрываю глаза. Мне тяжело: воздух закончился. Или его не было с самого начала? В ушах шумит. Гулко, нарастающе, как перед обмороком. Каждый удар сердца отдаётся в висках, в груди, в кончиках пальцев, которые онемели и ничего не чувствуют.

— Нет... — слышу я свой голос. Чужой, далёкий, будто не я говорю. — Нет, пожалуйста... не надо...

Не знаю, о чём я прошу. Чтобы он отпустил? Чтобы остановился? Чтобы всё это закончилось? В груди продолжает разрастаться что-то тёмное, огромное. Оно душит, а затем вырывается наружу судорожным, рваным всхлипом, который я не успеваю поймать. Потом ещё один. И ещё.

«Всё хорошо... всё хорошо... всё хорошо». Мысленно убеждаю себя: «Это просто кошмар... я сейчас проснусь... Я не буду плакать».

Но слёзы текут сами, горячие, предательские, заливают щёки, капают на футболку. Всхлипы остановить не могу.

— Сереброва...

Голос Марка звучит уже совсем иначе. Без усмешки и привычной наглости.

— Эй... ты чего?

Я мотаю головой, всё распадается на куски. Сердце колотится так быстро, что становится больно.

— Не трогай меня! Не надо! Пожалуйста...

— Злата? — Голос Марка доносится будто из-под воды. Искажённый, испуганный. — Злата, что с тобой?

Его хватка ослабевает. Чувствую, как он отпускает мои руки, но меня всё ещё трясёт.

— Посмотри на меня, — говорит Вольнов, и в его голосе больше нет пьяной наглости. Только растерянность. — Ты всё не так поняла. Успокойся... Открой глаза и посмотри на меня!

Он замолкает, но я слышу, как он дышит, тяжело, сбивчиво, так же, как я.

— Я ничего не сделаю. — Его голос становится тише. Он отступает на шаг, я чувствую это по тому, как перестаёт давить его тепло. — Просто успокойся...

Открываю глаза, пытаюсь больше не рыдать. Сначала всё расплывается от слёз, затем появляется силуэт, через пару секунд уже чётче.

— Я уйду, — говорит Марк. — Слышишь? Успокойся... Провожая его взглядом, пока он не уходит и дверь не закрывается за ним.

Ноги подкашиваются. Я сползаю по стене вниз и сажусь на холодный пол. Прижимаю колени к груди, обхватываю их руками. Сжимаюсь в маленький, твёрдый комок.

И плачу.

Всхлипы вырываются наружу, беззвучные, рваные, они сотрясают всё моё тело, заставляют его дрожать. Я больше не сдерживаюсь. Не могу. Больше нет сил. Столько времени я строила стены. Столько времени я притворялась, что ничего не случилось. Столько времени я была камнем, льдом, кем

угодно, только не собой.

А он пришёл, пьяный, наглый, чужой, и разбил всё одной хваткой. Одним прикосновением. Ненавижу его за то, что он сделал. Ненавижу его за то, что он ничего не делал, но мне всё равно больно. Ненавижу себя за то, что всё ещё продолжаю жить в кошмаре, который, кажется, никогда не закончится.

Слёзы текут по щекам, падают на колени, вытираю их ладонями, но они не заканчиваются. Я хочу, чтобы всё прекратилось, чтобы я жила как прежде, чтобы меня никогда не предавали, чтобы страх и паника больше никогда не смогли парализовать меня.

На глаза попадается мятая купюра, которую Вольный уронил. Хватаю её с пола и со злостью рву на мелкие кусочки. Будь всё проклято!

Глава 8

Марк

Пронзительный, визжащий звук пожарной сирены врезается в череп и разрывает мне мозг. Я подскакиваю так резко, что едва не слетаю с дивана. Не успеваю открыть глаза, как уже куда-то бегу.

— Что горит?!

Сирена обрывается, оставляя после себя противный звон в ушах. Стою, тупо моргая, и пытаюсь понять, где я и что произошло.

Ко мне подлетает Сахар с телефоном в руках. Ржёт так, что, кажется, сейчас задохнётся. Наводит объектив прямо на моё ошалелое лицо.

— Поздравляю! Ты живой. Я в какой-то момент реально решил, что ты сдох.

— Дебил.

Иду обратно к дивану. Делаю два шага, и мир наклоняется влево вместе со всей гостиной. Приходится схватиться за спинку. Медленно сажусь. Меня мутит.

Сахар продолжает снимать, обходя меня по кругу, как режиссёр документалки о дикой природе.

— Телефон убери.

— Не-а. Это надо сохранить для потомков.

Опускаю взгляд на себя. Футболка вывернута наизнанку, джинсы расстёгнуты, на коленке какое-то пятно. Ну и видон. Давно меня так не уносило. Ложусь обратно, зарываюсь лицом в жёсткую подушку.

— Почему я у тебя?

— А ты не помнишь?

— Нет.

— Плохо, — с удовольствием говорит Сахар.

Он плюхается в кресло напротив и начинает листать что-то в телефоне. По довольной роже сразу понятно: ничего хорошего меня не ждёт.

— Ты появился ко мне в четыре утра, — сообщает он тоном ведущего криминальной хроники. — Весь такой красиво-пьяный.

— Красиво?

— Очень.

— Хотя что-то радует.

— И сказал, что домой не поедешь, потому что там отец. — Он листает дальше. — А потом добавил, что и ехать больше некуда, потому что тебя Серебровы выгнала.

— Что?

— А потом ты уселся вон в тот угол, — он тычет пальцем, — и минут двадцать рассказывал мне про её глаза.

— Не было такого.

— Было.

— На кой хрен мне рассказывать про её глаза?!

— Марк. Я видео снял.

Я застываю.

— Ты что?

— Контент, брат.

— Удали.

— Никогда.

Хватаю подушку и запускаю в него. Он уворачивается. К сожалению.

— Покажи.

— Чего?

— Видео покажи. — Сажусь ровно, и голова отзывается тупой волной. — Я хочу видеть, что я нёс.

Сахар расплывается.

— Вот это правильный подход. Смотри и учись на своих ошибках.

Он перебрасывает мне телефон. Экран слишком яркий, я щурюсь. На видео действительно я. Сажу на полу в углу, спиной к стене, ноги раскинуты, в руке стакан с чем-то. Камера дёргается, Сахар ржёт за кадром.

— ...я не понимаю, — говорю я на записи, глядя куда-то мимо. — Она не такая. Понимаешь? Она вообще не такая, как он сказал.

Пауза.

— Что-то тут не сходится, брат. Мне пиздец как не нра-

вится, что не сходится.

Я нажимаю на паузу. Сахар в кресле медленно перестаёт ржать. Садится нормально.

— Ну вот, — говорит он. — А дальше я как раз хотел спросить. Кто «он»?

Молчу.

— Ау, Вольный.

Я смотрю на застывший на экране кадр. На собственное пьяное лицо. Я не помню, как это говорил. Совсем не помню.

— Я знал о Серебровой ещё до первой нашей встречи, — решаю признаться. — Вот, почитай.

Я кидаю ему свой телефон. Разблокированный. Он замолкает. Берёт, опускает глаза в экран, и я вижу, как с его лица медленно сползает всё веселье.

Знаю, что он сейчас читает. Я это перечитывал столько раз, что помню порядок строчек. И фотка. Та, что Громов тогда прислал сам: Злата на фоне какой-то набережной, волосы по ветру, смеётся. Совсем другая. Я эту фотку месяц не мог сопоставить с человеком, который смотрит сквозь меня в аудитории.

Сахар листает вниз. И доходит до сентября. Там всего пара сообщений и фото Серебровой, которое я сам не знаю зачем скинул Глебу. Снятое с задней парты на второй паре. Она сидит у окна, вполоборота, в наушниках, что-то пишет. Свет из окна ложится ей на щёку. Она не знает, что её снимают.

— И что тут не сходится?

— Да всё как будто не сходится!

— Не пойму, что тебе не нравится. — Сахар откидывается на спинку кресла, и телефон остаётся у него в руке. — Брат. Ты вообще понимаешь, что тебе повезло? Гром, сам не зная того, предупредил. А теперь тебе просто надо не наступать на его грабли.

— Да не такая она...

— Ага, конечно. — Сахар фыркает. — Слушай сюда. Она разузнала о тебе в первый же день. В перерыве между первой парой и второй. Такие сто процентов времени зря не теряют. Поняла, что ты парень непростой и с очень даже толстым кошельком, и всё. Дальше уже техника.

— Какая техника?! Что ты несёшь?

— Цену набивает. — Он разводит руками, будто объясняет ребёнку, почему вода мокрая. — Классика же.

Пялюсь в потолок. Там расплывчатые серые полосы, которые я пытаюсь собрать в картинку. Мысли ворочаются медленно, как в киселе.

— Нет, — говорю тихо. — Тот страх, который я вчера увидел в её глазах, не вяжется вообще ни с чем.

Я снова вижу, как она сжалась у стены. Как голос сломался на слове «пожалуйста». Как она смотрела на меня, не с презрением, не с игрой, а со страхом.

Что она вообще подумала? Что я сделаю?

— Ладно, — говорит Сахар наконец. — Бог с ней.

Он встаёт, потягиваясь и хрустя позвоночником.

— Ты давай приходи в себя. — Он бросает мой телефон на диван, где-то рядом со мной. — Сегодня у Дэма днюха.

Я закрываю глаза и издаю стон. Глухой, протяжный, полный агонии.

— Не-ет. Разве это сегодня?! Всё, ближайший век только безалкогольные напитки.

— Ха. — Сахар опять поднимает свой телефон и снимает крупным планом мою опухшую небритую морду с двумя чёрными пятнами вместо глаз. — Я тебя знаю. Вечером опять будешь бухать как не в себя.

— Всё! — рычу, отталкивая его руку. — Свали на хер. Дай мне умереть в тишине.

— Да ты припух! Ничего, что это мой дом? Валить надо тебе. Скоро родаки вернутся, и мама будет прям счастлива, что ты обслюнявил её любимые подушки.

Он кивает в сторону ванной.

— Иди умойся. У тебя час, потом пойдёшь уговаривать подарок.

С трудом встаю с дивана.

— Чего? Какой ещё «подарок»?

— Ну, Катюху твою. Чтоб пришла к Дэму на днюху. Он же по ней сохнет, ты ему обещал её привести.

Информация, которая начисто вылетела у меня из головы. Как я вообще мог такое пообещать, зная свою сводную? Но выхода нет. Звоню Дмитричу, чтобы забрал меня: машина

наверняка осталась у клуба, а у меня принцип, если я в хлам, за руль не сажусь. Сахар одалживает свои шмотки. Джинсы чуть короче, чем хотелось бы, но на фоне того, в чём я вчера приполз, это просто спасение.

Добираюсь до дома. В надежде прошмыгнуть незаметно на свой этаж, быстро прохожу гостиную, почти на цыпочках, как вор, который сам себе не хочет признаваться, что боится столкновения.

— Марк, подойди, пожалуйста.

Голос мачехи останавливает меня у самой лестницы. Начинается! Я подхожу к ней, она читает журнал в гостиной. Останавливаюсь в метре, засунув руки в карманы джинсов, давая понять, что разговор мне особо не интересен.

— Твоего отца нет дома, — говорит она спокойно.

— Ммм. — Я усмехаюсь одними уголками губ. — Оставил вас заместителем!

— Я просто хотела поговорить.

— Это обычно самая страшная фраза.

Она делает вид, что не замечает моего сарказма. Или действительно не замечает.

— Не понимаю, почему ты себя так ведёшь. Я...

— Может, не понимаете, потому что вы не моя мама! — перебиваю её.

Вижу, как слова достигают цели. Улыбка у неё на секунду выключается, она медленно опускает глаза, будто моя резкость — это камень, который ей нечем отразить. Но всего

на секунду. Потом она снова поднимает глаза, и в них снова улыбка.

— Конечно, я не твоя мама, — говорит она тихо, и в голосе её столько принятия, что это почти нож в спину. — И я даже не пытаюсь занять её место. Но думаю, нам с тобой не обязательно враждовать...

Я отвожу взгляд. Почему она всегда отвечает именно так? Лучше бы накричала. Было бы проще.

— Послушайте... — Провожу ладонью по лицу. — Меня вообще не волнует, что вы думаете.

Она молчит и не перебивает.

— Вы позвали, я пришёл. — Пожимаю плечами. — Если это всё, что вы хотели сказать, я уйду.

Делаю шаг назад, к лестнице, давая ей понять, что разговор окончен.

— Нет, это не всё, — останавливает она меня.

Замираю и медленно поворачиваюсь.

— Отец спрашивал утром, как прошёл вечер. Катя ответила, что всё хорошо, и ты, как настоящий брат, привёз её домой и весь вечер не отходил от них.

Поднимаю брови, искренне удивлённый. Катя? Соврала отцу? Ради меня?

— Хм... — выдыхаю, покачивая головой. — Отлично. Какая умница ваша дочь! Всё?!

— Нет, не всё... Отец думает, что ты не спустился к завтраку, потому что спал у себя в комнате. Пусть он и дальше

так думает.

Я прищуриваюсь, смотрю на неё, пытаюсь понять, в чём подвох.

— А это нам нужно потому, что...? — спрашиваю медленно.

— Потому что я не хочу, чтобы в нашей семье были натянутые отношения.

«В нашей семье»... Невольно усмехаюсь от этого сочетания слов.

— Не знаю, как в ВАШЕЙ семье... Но в МОЕЙ семье отношения были натянутыми столько, сколько я себя помню.

Поднимаюсь на первую ступеньку. Потом оборачиваюсь.

— Так что... моя дорогая мачеха... Ничего обещать не могу.

Не дожидаясь её комментариев, разворачиваюсь и поднимаюсь по лестнице. Захожу в свою комнату, прикрываю дверь, скидываю с себя одежду Сахара и бросаю её на кресло. Натягиваю свои джинсы, чёрную футболку. Ставлю телефон на зарядку. Бедняга сдох по пути. Даю ему пару секунд и включаю. Куча пропущенных: от Дэма, от Кати даже пара есть. И огромное количество сообщений от Вики. Чёрт! Я обещал ей вчера зайти вечером, и вылетело из головы. Свяжусь с ней позже. Всё равно на днюху вместе идём. Сейчас мне надо уговорить Катю поехать со мной.

Башка всё ещё гудит, уже терпимо, но кое-что беспокоит меня больше. Я всё рассказал Сахару. Он, конечно, не треп-

ло. Но может тупо проговориться. А это вообще не входит в мои планы.

Глава 9

Злата

— Ну, Зла-ат. Ну, полчаса. Ну, там утки такие милые.

Тоня нависает надо мной, размахивая руками перед лицом, и на полном серьёзе продаёт мне уток в парке как аттракцион года.

— У меня голова болит, — отмахиваюсь я.

— У тебя вчера болела.

— Значит, хроническое.

Катя не уговаривает. Стоит у двери, уже в куртке, и смотрит странно, то ли жалеет, то ли что-то для себя решает. Под этим взглядом хочется натянуть одеяло до подбородка.

— Ладно, — сдаётся Тоня. — Но ты много теряешь.

Дверь закрывается. Шаги в коридоре, потом тишина.

Из обрывков их разговора я поняла, что в парке к ним присоединится Марк. Господи, лучше бы я ему вчера не открыла. Пусть бы сбежалась вся общага на шум.

Хотя, если честно, после вчерашнего срыва мне впервые за много месяцев чуть легче. Будто вместе со слезами вышла часть того, что я таскала в себе всё лето. Но страх никуда не делся. Только боюсь я не того, что могло случиться на даче

у Громовых. Боюсь снова оказаться той, кому не поверили.

Телефон на тумбочке взрывается звонком, и я вздрагиваю всем телом. На экране «Мама». Губы сами растягиваются в улыбку, хотя она меня не видит.

Слушаю про погоду, про соседку снизу, которая опять затопила подъезд, смеюсь в нужных местах. Мама жалуется, что я редко звоню и ничего не рассказываю.

— Прости, мам. Учёба, новые знакомые. Привыкаю. Ты же знаешь, как это бывает.

— Знаю, доченька. — Голос становится тише. — Слушай, тут Света звонила вчера. Подруга твоя. Просила твой новый номер...

— Ни в коем случае!

Выходит резче, чем я собиралась. Внутри поднимается знакомая тупая злость, от которой во рту становится сухо.

— Мам, пожалуйста. У меня нет больше такой подруги. И я ничего не хочу о ней слышать.

— Ну, если ты так хочешь...

Она говорит мягко. Но я слышу в паузе вопрос, который она не задаёт.

— Мамуль, у меня всё хорошо, честное слово. Прости, девочки уже ждут внизу, мне пора. Завтра позвоню, ладно?

Вру и смотрю на закрытую дверь. Никто меня не ждёт. Просто чувствую, как поднимается дрожь, и боюсь, что она пролезет в голос.

— Хорошо, Златочка. Люблю тебя.

— И я тебя, мам.

Отбой. Телефон летит на кровать, я прижимаю ладони к лицу и сижу так, наверное, минуту. Пальцы ледяные, дрожь идёт снизу вверх, от коленей.

Так не может продолжаться. Я переехала в другой город, в другой универ, поменяла номер, а таскаю за собой то же самое. Прошное не имеет права забирать ещё и настоящее.

Беру телефон обратно. Открываю плеер.

Плейлист называется просто «мой». Двадцать пять треков, я гоняю их по кругу так давно, что помню порядок наизусть. Наушники, эта музыка и опущенная голова: три вещи, которые держали меня на плаву. И те же три вещи, из-за которых я перестала слышать мир.

Начинаю удалять. Один за другим. И это выходит удивительно легко. Удалить. Удалить. Удалить.

К концу списка я уже процентов на девяносто пять уверена в своём решении. Остаётся один трек. Тот самый, который папа ставил в машине каждое утро, когда вёз меня в школу. Я смотрю на название секунд десять.

Не могу.

Оставляю его одного в пустом плейлисте и до полудня скачиваю новое. Чужое, незнакомое, ничем не заляпанное. Ставлю первый попавшийся трек, и это как надеть чужую куртку: сидит странно, зато не пахнет прошлым. Заполняю плейлист, потом иду в кафе через дорогу и обедаю на террасе, хотя прохладно. Отбивная с пюре сегодня почему-то осо-

бенно вкусная, ветер гоняет по столу мокрый лист, а в ушах играет что-то, чего я раньше не слышала. И мне нравится.

Мелькает странная мысль сказать спасибо Вольному за то, что вломился ко мне ночью. Появляется, но тут же испаряется. Ещё чего!

Когда возвращаюсь, Тоня и Катя уже в комнате. Сидят на Тониной кровати, из колонки снова что-то на корейском, а сами они спорят, перебивая друг друга.

— ...говорю тебе, в прошлом году там бассейн шампанским залили!

— Да не шампанским, а газировкой. Не преувеличивай.

— Какая разница? Всё равно круто!

Я снимаю куртку, вешаю на спинку стула, и разговор обрывается. Так резко, что даже смешно. А потом они начинают шептаться. Я, между прочим, в двух шагах, а не в соседнем корпусе.

— Может, Злате всё-таки предложить? Может, в этот раз согласится? — шепчет Тоня так громко, что слышит, наверное, весь этаж.

— Не пойдёт она, — отвечает Катя, откидываясь назад. — Она Дэма не знает. Я бы и сама не пошла. Но братишка обещал целый год не доставать меня своей тупостью. Потерплю. Сажусь на кровать и выгибаю бровь.

— И кто такой этот ваш Дэм?

Обе замолкают одновременно. Тоня даже рот приоткрывает. А потом, будто кто-то нажал «старт», перелетает ко мне

на кровать, поджигает ноги и начинает тараторить со скоростью пулемёта.

— Короче! Человек он так себе. Самовлюблённый. Наглый. Немного придурок. Хотя нет, много. Но вечеринки у него отпадные! У папы какая-то важная должность, мама раньше была моделью. И каждый год он закатывает вечеринку века. Так что ты идёшь с нами.

— Меня не приглашали.

— Там никто не ждёт приглашения. Все просто приходят. Традиция. Ну?

Она смотрит так, будто от моего ответа зависит судьба человечества.

Провожу пальцем по краю одеяла. Именно сегодня я торжественно пообещала себе перестать прятаться и не позволять прошлому решать за меня. Только новая жизнь как-то не уточнила, что начнётся она с вечеринки у какого-то Дэма.

— А как мы обратно попадём? Где ночевать будем?

Тоня замирает.

— Стоп. Ты что, реально согласна?

— Пойду, — слышу собственный голос раньше, чем успеваю передумать. — Ничего же страшного не случится.

Что я несу? Я там никого не знаю. Хотя, может, это и хорошо: никто и ничего не знает обо мне. Может, получится просто отключиться и повеселиться. Я ведь когда-то умела.

Катя подаётся вперёд, приподняв брови.

— Ого. Ничего себе перемена. То есть в этот раз ты правда

вылезешь из своего кокона?

— Да что значит «правда»? — тут же разворачивается к ней Тоня. — Она сказала «да»!

— Вот именно. Поэтому и удивляюсь.

Больше никто ничего не уточняет, все переключаются на сборы. Для Тони они превращаются в катастрофу. Для меня всё заканчивается за тридцать секунд: открываю шкаф и понимаю, что выбирать не из чего. Джинсы. Ещё джинсы. Свитера. Худи. Когда я сюда собиралась, я думала про лекции и конспекты, а не про вечеринки века.

Беру у Тони самое скромное, что нахожу. Чёрное платье, длинные рукава, чуть выше колена, но с полностью открытой спиной.

— Ты выглядишь потрясающе, — заявляет Тоня, поправляя мне волосы.

— Я выгляжу так, будто забыла дома половину одежды. Катя усмехается.

— Поверь, ты там будешь самой прилично одетой.

Почему-то совсем не успокаивает. Всё время тянет свести лопатки, будто так спина станет закрытой.

— Кать, сколько у нас времени? — кричит Тоня из-за дверцы шкафа.

— Марк сказал, заедет, когда будем готовы.

Имя бьёт неожиданно. Как будто кто-то дёрнул за нитку под рёбрами.

Тёмная комната. Его руки на моих запястьях. Мой сорвав-

шийся голос и его лицо, когда он наконец понял, что происходит.

Внутри всё стягивается. И самое отвратительное: мне почему-то стыдно. Будто это не он ввалился ко мне в два ночи пьяный, не он довёл меня до истерики. Будто это я сделала что-то не то.

Глупость какая.

— Он нас повезёт?

— Ага, — кивает Тоня. — Личный водитель Кати.

— Да ну тебя. — Катя закатывает глаза. — Ты сама его и уговорила.

— А зачем тратиться на такси? Правда же, Злат?

Молча пожимаю плечами. Я понимала, что рано или поздно снова с ним столкнусь. Просто рассчитывала хотя бы на два дня форы.

Через двадцать минут мы стоим у общаги. Вечер пахнет мокрыми листьями, по голой спине под курткой тянет холодом, и я всё время передёргиваю плечами. Тоня пританцовывает на месте, Катя листает телефон, а я в сотый раз прикидываю, не поздно ли передумать.

Поздно.

Свет фар разрезает серый двор, чёрная машина резко тормозит прямо перед нами. Вижу Вольного за стеклом: сосредоточенный, чуть хмурый. Он скользит по нам взглядом.

А на переднем сиденье рядом с ним сидит девушка. Блондинка, длинные прямые волосы, тонкая рука лежит у него

на плечо. Второй рукой она листает ленту и в нашу сторону даже не смотрит.

Наверное, та самая, чей сон он решил не тревожить, прежде чем заявиться ко мне в два часа ночи.

— Чего стоим? Грузимся! — Марк опускает стекло.

— Поехали! — командует Тоня и первой дёргает заднюю дверь.

Катя садится у окна, я оказываюсь посередине, Тоня плюхается справа. В салоне пахнет чем-то сладким и приторным. Наверное, её духи.

— Всем привет! — бодро объявляет Тоня. — Как дела?

— Нормально, — коротко отвечает Вольный, не оборачиваясь.

— Привет, — тихо говорю я.

Марк кивает. Всё так же не оборачиваясь. Катя демонстративно молчит и отворачивается к окну.

Блондинка наконец поднимает глаза, разворачивается и окидывает нас быстрым недовольным взглядом. На мне задерживается на секунду дольше, чем на остальных. Потом снова опускает голову к телефону.

В машине сразу становится тесно. Сцепляю пальцы на коленях и смотрю в окно на мелькающие огни. В груди холодно, и настойчиво просится наружу мысль: попроси остановиться, выйди, вернись в комнату, пока не поздно.

Но я обещала себе не убегать.

Машина трогается. Мы проезжаем метров триста, и тут

Марк, не поворачивая головы, роняет:

— Сереброва. Ты сегодня тихая. Вчера ночью ты была разговорчивее.

В салоне становится очень тихо.

Тоня медленно поворачивает ко мне голову. Катя отрывается от окна. А блондинка перестаёт листать ленту, разворачивается всем корпусом и смотрит на Вольного.

— Какой ещё «вчера ночью»?

И я понимаю, что вечер закончился, ещё не начавшись.

Глава 10

Марк

Сказал, и сам не понял зачем.

Просто стало невыносимо, что она сидит у меня за спиной и молчит. Вот и ткнул. Как пацан, который дёргает девчонку за косичку, потому что по-другому не умеет.

— Марк.

Вика разворачивается ко мне, телефон в её руке гаснет, и она повторяет вопрос:

— Какой ещё «вчера ночью»?

— Да слышал, как Катя вчера ночью несколько часов со Златой по телефону трындела.

Смотрю на Катину реакцию: она резко поворачивает голову в мою сторону, но молчит.

Сзади тихо. Девочки только переглядываются, но молчат. Умные девочки.

Вика фыркает и медленно, демонстративно медленно, разворачивается обратно. Разговор не закончен, просто отложен. Я знаю этот манёвр. Какого хера я не промолчал?!

Вырубаю музыку, потому что она вдруг начинает бесить. Сереброва сидит у меня за спиной. Это тоже бесит. Когда

Катя написала, что они готовы, я ждал, что увижу только Тоню с ней. А рядом с ними у общаги стояла девчонка в чёрном платье, с распущенными волосами, и я секунд пять просто не понимал, что смотрю на Сереброву.

Вчера она смотрела на меня как на угрозу. Будто одно моё движение способно её сломать. А сегодня едет к незнакомому человеку в дом, где будет полторы сотни пьяных идиотов.

Где логика, дорогая?

На светофоре смотрю в зеркало заднего вида. Спина прямая, будто ей вставили линейку между лопаток. Ни колкостей, ни ледяного взгляда. Растерянная. Будто услышав меня, она резко поднимает голову, и наши взгляды сталкиваются на одно короткое мгновение. Отворачиваюсь первым. Не моё дело.

Рука Вики ложится мне на затылок, пальцы скользят в волосы. Обычно я на это никак не реагирую. Сейчас будто наждачкой по нервам.

— Вик, перестань.

Её пальцы продолжают, касаются шеи, снова зарываются в волосы. В виске начинает пульсировать.

— Да, Вика, блин!

Мотаю головой, сбрасывая её руку. В салоне становится тихо, даже Тоня замолкает на полуслове.

— Раньше не раздражало, а теперь раздражает? — тянет Вика. — Серьёзно, Вольный?

Она ждёт секунды три и отворачивается к окну. Врубаю

музыку громче и вдавливаю педаль.

Машина вкатывается во двор, который больше похож на подъезд к отелю. Цветные пятна ползут по фасаду, парковка забита. Дэм в своём репертуаре.

— Спасибо, что довёз! — Тоня вылетает, не дожидаясь ответа.

— Спасибо, что не убил, — шипит Катя и хлопает дверью так, будто мстит мне за все годы знакомства.

Сереброва не двигается. Сидит бледная, губы приоткрыты, будто собирается что-то сказать. Даже поднимает на меня глаза, и я почему-то жду очередного «Вольнов, ты придурок». Но она молчит. Сглатывает, опускает голову и быстро выскальзывает наружу.

И что это сейчас было?

Народу внутри столько, что кажется, будто мы попали на фестиваль. Снежана сразу утаскивает Вику, а я нахожу взглядом виновника торжества.

— Вольный! — орёт он, разводя руки в стороны.

— С днём рождения, придурок! — Обнимаю его, хлопая по плечу.

— Спасибо, debil! Мой подарок где?

Шарю взглядом по толпе и быстро нахожу знакомую троицу у бара. Киваю ему, показывая на них. Он тут же телепортируется и стелится перед Катей. Тоня суёт Серебровой ярко-синий коктейль, та разглядывает бокал, словно ищет на дне предупреждение Минздрава, делает крошечный глоток и

морщится. Настолько искренне, что я едва сдерживаю смех.

— Так-так-так! Сам Марк Вольнов! Живой! — Сахар идёт к нам с двумя стаканами и с таким лицом, будто выиграл в лотерею. — А я уже начал делить коллекцию твоих кроссовок.

— Ты чего такой счастливый? — Отбираю у него стакан.

— День прекрасный. Ты не умер от похмелья, я встретил бывшую и остался жив, а ещё нашёл себе занятие на вечер.

Он кивает в сторону бара.

— Сереброва.

Медленно перевожу взгляд с него на неё.

— Оставь её в покое.

— Не понял. Это почему?

— Потому.

Опрокидываю стакан и иду за добавкой. Он догоняет и придерживает меня за плечо.

— И всё-таки? Или ты утонул в её праведных глазах и поверил ей?

— Чушь не неси. Просто не хочу истерик. И сеструхе обещал сегодня не портить вечер.

— Так это не ты, а я. И не сеструхе, а нашему зимородку. — Он закидывает руку мне на плечо, и мы оба смотрим на Злату. — Глянь на неё. Сто пудов цену набивала. Гром же говорил, она профи в своём деле. Вот, высматривает новую жертву.

Сереброва стоит у края танцпола, покачивается в такт му-

зыке и мелкими глотками пьёт коктейль.

Как будто нарочно подтверждает каждое его слово.

— Да делай ты что хочешь.

Спихиваю его руку и иду к бару.

Получаю виски и снова нахожу её взглядом. Сахар уже рядом с ней. Упирается рукой в колонну, изображает героя романтической комедии, наклоняется к её уху. И я вижу, как меняется её лицо. Секунда, и от растерянной девочки ничего не остаётся. Подбородок вверх, взгляд сквозной, будто перед ней пустое место. Отвечает коротко и резко, не глядя. Сахар не отстаёт.

— Ммм. — Голос Вики раздаётся у самого уха, горячее дыхание касается шеи. — Надеюсь, ты меня высматриваешь?

Она обвивает руками мою шею и прижимается всем телом. Запах сладких духов сегодня приторный до тошноты.

— Конечно, тебя. Кого же ещё.

Она тянет меня на танцпол, и я иду. Музыка гремит так, что вибрация отдаётся в рёбрах. Вика двигается в такт, что-то говорит, но я не слышу. И всё идёт как должно, ровно до того момента, как я ловлю себя на том, что снова сканирую зал. Сахар вернулся к бару и клеит уже кого-то другого. И я почему-то выдыхаю, когда понимаю, что рядом с ним не Сереброва.

Она стоит чуть в стороне от толпы. Уже без куртки. В этом чёрном платье, которое ничего не выставляет напоказ и именно поэтому цепляет сильнее.

Свет прожекторов скользит по её волосам, выхватывает профиль, тонкую шею, серьгу, которая вспыхивает и снова тонет в темноте. Она двигается под музыку, прикрыв глаза, будто тело живёт отдельно от неё и слушается только ритма. Не танцует для кого-то. Просто позволяет музыке себя вести. Смотрю на неё, и внутри разворачивается что-то навязчивое: подойти, взять за руку, притянуть к себе. Чтобы она так танцевала только для меня.

Сука, что за бред?

— Ау, Марк.

Голос Вики возвращает меня обратно. Она берёт моё лицо в ладони и разворачивает к себе.

— Ты на ком зависишь?

Впервые слышу в её голосе не каприз, а холод.

— На тебе, конечно.

Наклоняюсь поцеловать, но она уклоняется.

— А мне кажется, что не на мне.

— Кажется.

Беру её за подбородок, не давая отстраниться, и целую. Жадно, зло, почти грубо. Вика отвечает сразу, привычно и легко, как сотни раз до этого. Раньше мне хватало этого, чтобы сносило крышу и мы оказывались наверху, в одной из спален Дэма.

Сейчас не работает. Прижимаю Виду сильнее. Хочу, чтобы её губы и руки вытеснили из головы всё лишнее.

Не вытесняют!

— За-аай! — Вика упирается ладонями мне в грудь. — Ты меня сейчас проглотишь. Всё, я дышать не могу, выйду на воздух. Ты со мной?

Бросаю взгляд поверх её плеча. Туда, где минуту назад танцевала Злата.

Её там больше нет.

— Я выпью чего-нибудь. Жду тебя у бара.

Вика смотрит с обидой, но не спорит и уходит в толпу. Я снова зачем-то обшариваю зал глазами. Серебровой нет. Ну и хер с ней.

Заказываю двойной и глотаю залпом. Она не та, за кого себя выдаёт. Расчётливая, играющая в недотрогу. Я таких сотни видел.

И надо отдать виски должное, помогает. Танцую, пью, ржу над тупыми шутками Сахара, спорю с Дэмом о машинах. Часа три я почти не думаю. Ровно до того момента, как в меня врзается Катя. Не подходит. Именно врзается, хватает за руку так резко, что я чуть не расплёскиваю стакан.

— Поехали!

— Куда? Ты сбрендила?

— Поехали, говорю! Потом объясню!

Она тащит меня к машине. Я завожу мотор и краем глаза вижу, как к нам бежит Вика, что-то кричит и машет руками, но я даже окно опустить не успеваю.

— Да быстрее! — орёт сеструха. — А то не найдём эту дуру!

Срываюсь с места. Что я объясню Вике, если сам ничего не понимаю?

Катя ёрзает на сиденье и вглядывается в темноту. Фонари здесь стоят через один, дом Дэма вообще у чёрта на куличках.

— Может, расскажешь, какую именно «дуру» мы ищем? Хочу понимать, кого вылавливаю в три часа ночи.

— Да Сереброву эту!

Внутри что-то сжимается в кулак.

— Не понял. А что с Серебровой?

— Сама не знаю. Тонька подбежала, говорит, не может её догнать. Та с Сахаром что-то не поделила и убежала. Тонька хотела её догнать, но не успела. Пошла за помощью и сама пропала. Не бросать же Злату, она тут вообще никого не знает.

Не отстал, значит. Я ведь сказал ему. Прямым текстом.

— Вот! — Катя тычет пальцем. — Вон она. Тормози.

Она вылетает из машины, не закрыв дверь. Бежит к Злате, которая быстро идёт по обочине, обхватив себя руками, перехватывает её за плечо, что-то говорит. Злата слушает, поворачивает голову ко мне, смотрит через лобовое стекло. А потом разворачивается и идёт дальше. Не оглядываясь.

— Да вы издеваетесь. Детский сад какой-то.

Выхожу, догоняю обеих, хватаю под руки: Катю левой, Злату правой.

— Может, мне кто-нибудь объяснит, что происходит?

— Тебя это вообще не касается!

Злата выдёргивает руку и пытается обойти. Не даю. Перехватываю и разворачиваю к себе.

— Нет уж. Раз я уже здесь, объясняй, почему мы должны тебя искать.

— Я никого ни о чём не просила!

Кричит мне в лицо, вырывается и упрямо топает дальше.

— Зла-ат, не глупи! — Катя оборачивается ко мне. — Ну, Марк, сделай уже что-нибудь!

— Что? Силой её в машину запихать?

— Да оставьте вы меня в покое! — орёт Серебров. — Я сама со всем справлюсь!

— Справится она.

Догоняю в два шага, наклоняюсь и закидываю её на плечо. Она визжит, колотит кулаками по спине, царапается.

— Открой! — кричу Кате.

Она распахивает заднюю дверь. Заталкиваю Злату внутрь, она брыкается, как дикая кошка, лезет обратно, и я блокирую ей выход собой.

— Да кто ты такой?! Вольный, отпусти!

— Да успокойся ты, истеричка!

Хватаю её за плечи и встряхиваю. Сильно. Чтобы замолчала. И она замолкает. Поднимает на меня глаза, и только тогда я вижу, что они полны слёз. Смотрит так, будто одновременно злится, боится и вот-вот сорвётся.

— Дыши ровно и перестань брыкаться. — Пытаюсь смяг-

чить голос, выходит всё равно резко. — Ты дура, что ли? Куда ты идёшь? Ты вообще знаешь, где находишься?

— Я не просила у тебя помощи!

— Зато я просила! — перебивает Катя, уже забравшись с другой стороны. — Марк, поехали. А ты прекрати вести себя как капризная малолетка.

Злата открывает рот, будто хочет что-то сказать. Но молчит. Опускает голову.

— Не надо обратно на эту вечеринку, — говорит она тихо и почти шёпотом добавляет: — Я не хочу... пожалуйста.

Это «пожалуйста» я уже слышал. Тем же голосом. Ровно тем же, что вчера, когда я прижал её к стене в комнате об-
щаги.

И вся моя злость на эту дурочку за одну секунду разворачивается на сто восемьдесят. Сереброва поднимает голову и шмыгает носом. И одного этого взгляда хватает, чтобы внутри у меня что-то сдвинулось и встало не на своё место. Я не знаю, что это. Но чётко понимаю, чего хочу: стереть большим пальцем эти слёзы, притянуть её к себе и поцеловать в искусанные губы.

— Поехали, — говорю тихо и закрываю дверь.

Выезжаем на дорогу. На повороте телефон в держателе вспыхивает.

Сахар: «Ты куда пропал? Кстати, я был прав. Предложил твоей ледышке нормальные деньги за вечер, она аж побелела и рванула. Мало, видимо, предложил.»

Смотрю на экран. Потом назад, на неё. Она сидит, обхватив плечи, и смотрит в темноту за окном.

Значит, вот что ты ей сказал. Ну хорошо, друг. Считай, ты нашёл мне занятие на завтра.

Глава 11

Злата

Меньше всего на свете я хочу сейчас сидеть в машине Вольнова. Вот тебе и новая жизнь, Сереброва. Размечталась. Откидываюсь затылком на подголовник и закрываю глаза.

Господи, ну почему со мной снова происходит почти то же самое? Сжимаю в кулаке край куртки так, что ткань собирается складками. И я не пойму: это с миром что-то не так или всё-таки со мной? Может, на мне какой-то знак, который видят только они? Те, кто хочет сделать мне больно.

— Куда вас? — нарушает тишину Марк.

Он смотрит на дорогу и как будто вообще не замечает, что происходит у него за спиной. Но я вижу, как он держит руль. И как приподняты его плечи.

— Давай на мою старую квартиру, — отвечает Катя. Она сидит рядом и уже второй раз протягивает мне салфетки. — Там всё равно никого. Адрес помнишь?

— Помню.

— Ты как? — Катя поворачивается ко мне. — Пришла немного в себя?

Киваю, хотя внутри всё ещё штормит.

— Да. Прости, что испортила тебе вечер. Я правда не хотела...

— Да брось. Что ты там испортила? Я сама была готова оттуда сбежать. Вот Тонька отрывается по полной.

Она хлопает себя по лбу.

— Блин! Забыла написать, что нашла тебя.

Печатает, читает ответ и хохочет так искренне, что у меня самой дёргаются уголки губ.

— Ну коза! Пожелала нам хорошего вечера, просила не ждать. Она сегодня с Дэмом остаётся.

— С нашим, что ли? — Марк поворачивает голову.

— С твоим! — отрезает Катя.

— Ничего себе поворот. Он же по тебе сохнет.

— Упаси Господь.

Катя крестится, и я снова улыбаюсь, мимолётно, одними уголками. Поднимаю взгляд и случайно встречаюсь глазами с Марком в зеркале. Он смотрит секунду. Может, две. Потом тяжело выдыхает и отворачивается к дороге.

Дальше едем молча. В салоне негромко играет что-то незнакомое, мягкие гитарные переборы, которые ничего от меня не требуют. Я даже не замечаю, что мы остановились, пока Катя не касается моего плеча.

— Приехали.

Выбираюсь наружу. Ноги затекли и слегка дрожат. Ночной воздух касается лица, и я вдыхаю его полной грудью. После грохота вечеринки улица кажется нереально тихой. Катя

выходит следом. И как только она захлопывает дверцу, Марк срывается с места и уезжает. Со свистом. Не сказав ни слова, даже не посмотрев в нашу сторону. Красные огни быстро растворяются в темноте двора.

Я провожаю их взглядом дольше, чем стоило бы. Мне бы радоваться, что он наконец убрался. А внутри почему-то пусто.

— Пойдём. — Катя кивает на подъезд. — Первый этаж.

В подъезде темно, ни одной лампочки, пахнет сыростью. Катя отпирает дверь и щёлкает выключателем.

— Добро пожаловать в моё бывшее королевство. Хоромов нет, зато тихо.

Скромная двушка, пахнет старой пылью. Той самой, которая оседает на вещах, когда в доме долго никто не живёт.

— Располагайся. Поищу тебе что-нибудь из одежды.

Сажусь на край дивана, пружины жалобно скрипят. Пальцы ледяные и подрагивают. Тру их друг о друга, но тепло не приходит. Катя возвращается уже в длинной футболке с мультяшным принтом и протягивает мне стопку вещей.

— Держи. Старые, но чистые. — Она случайно задевает мои руки и тут же отдёргивает свои. — Ничего себе ты замёрзла! Сейчас плед принесу.

Футболка велика мне размера на два, и это даже хорошо. В ней можно спрятаться.

Катя садится рядом, поджав под себя ногу.

— Может, всё-таки расскажешь, куда ты рванула? И что

вообще произошло между тобой и Сахаром?

— Да как-то не хочется говорить.

— Ты прости, Злат, но ты иногда ведёшь себя так, будто прилетела с другой планеты.

Поднимаю на неё глаза. Она смотрит серьёзно, но без осуждения.

— Может, ты и права, — говорю, улыбнувшись краешком губ. — Знаешь, мне тоже иногда так кажется.

Дальше мы просто молчим. Катя не пристаёт, листает телефон и иногда усмехается экрану. Спать не хочется совсем.

— А почему ты жила в общежитии, а не здесь? — нарушаю тишину первой.

Катя откладывает телефон.

— Жила. Мама переехала к новому мужу, а я решила остаться тут одна. Думала, справлюсь. — Она обводит взглядом комнату. — Боялась каждого шороха. Мама с Вольным-старшим звали к себе, а я не хотела. Чужие люди, чужой дом. Договорились, что поживу с Тоней. Потом мама всё равно додавила.

Мы снова замолкаем. А я скручиваю плед в жгут и распускаю. Скручиваю и распускаю. На душе так тошно, что хочется орать. По-настоящему, громко. Чтобы вытолкнуть из груди эту тяжесть, которая давит и не даёт дышать.

— Я боюсь, — тихо говорю.

— М? — Катя поворачивает голову.

— Не хочу быть снова преданной. Это очень больно.

Она откладывает телефон окончательно и разворачивается ко мне всем корпусом. Показывает, что готова слушать.

Вот только я до конца не понимаю, готова ли говорить.

— Кто-то тебя предал? — спрашивает она спокойно, без нажима.

Смотрю ей в глаза. В них нет ни жалости, ни любопытства. Она просто рядом. И именно это ломает во мне последнее.

— Да. Очень дорогие мне люди.

Делаю глубокий вдох. Воздух с трудом проходит через сжатое горло.

— У меня был парень, Глеб Громов, — начинаю, и слова выходят тяжело. — Я его очень любила. Казалось, он идеальный. Открывал двери, дарил цветы без повода, смотрел так, будто я центр вселенной.

Нервно усмехаюсь, отвожу взгляд.

— Какая же я была дура.

Катя хмурится, но молчит. Тянется, поправляет сползающий край пледа.

Внутри поднимается что-то горячее, почти невыносимое. Хочется замолчать, сделать вид, что ничего не было. И одновременно я отчаянно хочу это выплеснуть, чтобы перестало жечь.

— На Рождество он позвал меня на дачу. Сказал, будет компания, вечеринка. А мы оказались там вдвоём. — Голос дрожит, сглатываю, во рту сухо. — Я была такая счастливая... — Улыбка выходит кривой. — Дом за городом, снег

за окнами, мы танцевали, я хохотала, а он целовал меня в висок. Я пила шампанское, оно щипало язык. Мне было хорошо и безопасно.

Делаю паузу.

— А Глеб уничтожал отцовские запасы портвейна. И с каждой рюмкой становился всё расслабленнее. И настойчивее. В какой-то момент я заметила, что его поцелуи стали требовательными. Прикосновения жёстче. Пальцы впились мне в бёдра. Мне это не нравилось.

Катя не торопит и не ахает. Просто устраивается поудобнее, будто готовится слушать долго.

— Внутри уже что-то звенело, но я отгоняла. Переводила в шутку, смеялась, отталкивала его с наигранной лёгкостью. Он смеялся в ответ. Я понимала, к чему всё идёт. И понимала, что не готова. Что не хочу.

Сжимаю плед сильнее.

— Я сказала ему. Не один раз. Сначала мягко. Потом настойчиво. Он как будто меня не слышал. А накрыло меня, когда он сорвал с меня блузку. Пуговицы разлетелись во все стороны, я слышала, как они стучат по полу и по мебели, как камешки. И тогда я увидела его глаза. Пустые. И поняла, что это не игра.

Голос садится.

— Дальше всё как в тумане. Я боролась как могла, звала на помощь, но мы же были одни. Потом собрала всё, что осталось, и оттолкнула его. Со всей яростью. Он пошатнул-

ся, упал, ударился обо что-то острое и рассёк бровь. Вскочил и толкнул меня в ответ. Очень сильно. Я почувствовала, как из лёгких выбило воздух и как мир перевернулся. Упала спиной на стеклянный столик, и он разбился подо мной. Звука я не слышала. Только холод, острая боль, и всё.

Перевожу дыхание.

— Очнулась в больнице. Сотрясение и куча порезов. Неглубоких, слава богу, следов даже не осталось. Но знаешь, я до сих пор их чувствую.

— Зл-а-ат...

— Открываю глаза, а первое, что вижу: мамино лицо. Всё в слезах. Палата слишком яркая, белый потолок режет глаза, а в голове будто молотком бьют. И рядом стоят полиция, отец Глеба и мой отчим. Я лежу, ничего не понимаю. А потом мне объясняют. Оказывается, я пьяный дебошир.

— Офигеть! — Катя возмущённо сдвигает брови. — Как такое вообще может быть?

— Да вот, представляешь, может. Я напилась в стельку, сама споткнулась и упала на столик, а до этого напала на Глеба и разбила ему бровь. И на всё это есть свидетели, которые всё подтвердили. Моя лучшая подруга Светка и один из друзей Глеба, которые, как выяснилось, всё это время отдыхали там вместе с нами. И Светка же вызывала скорую. Но благодаря моему многоуважаемому отчиму, директору лицея, заявлять на меня никто не будет. Никаких претензий.

— Я в шоке.

— Я тоже была. Слушала всё это в таком ступоре, что даже среагировать не могла. Внутри онемело, будто я смотрю со стороны на чужую жизнь, где играю роль жертвы, а оказалась преступницей.

Провожу ладонью по лицу.

— А после выписки началось новое. Оказалось, что я вообще девушка по вызову. Слава разнеслась по всему универу и чуть ли не по всему городу, Глеб с папашей об этом хорошо позаботились. Мне звонили. Спрашивали расценки. Заказывали на корпоративы. Меня трясло от каждого звонка, пришлось менять номер. Мама слегла с сердцем. А отчим каждый день проклинал меня так, что жить не хотелось. Я сидела в комнате, запершись, слушала его крики через стену и чувствовала, как внутри что-то умирает.

Поднимаю голову.

— А когда дядя предложил перевестись сюда, я просто сбежала. Думала, начну новую жизнь. Но и здесь всё не так. Вот так и идёт жизнь на моей планете. Каждый день думаю: что со мной не так? Что я делаю не так?

Заканчиваю и чувствую внутри странное, почти болезненное облегчение. Слезы высохли, голос осип, но дышать стало легче.

— Да всё с тобой так. — Катя придвигается и кладёт ладонь мне на спину, гладит медленно, как маленькую. — И всё ты делаешь так. Просто попадаются тебе одни придурки.

— Ты думаешь?

— Уверена на все сто. Ни одна девушка не должна проходить через то, что прошла ты. Но знаешь, что я тебе скажу? Твоему Глебу всё вернётся. Бумерангом. Даже не сомневайся.

Невольно улыбаюсь. Криво, через силу, но улыбаюсь.

— Планета твоя, конечно, дерьмо редкостное, — добавляет она.

— Да уж...

— Так что пора с неё сваливать.

— Да я пыталась уже.

— Значит, будем пытаться ещё.

— Будем, — с улыбкой произношу. — Но давай, может, завтра. Что-то спать хочется.

— Ладно, давай ты в спальню, а я на диване.

— Нет, я тут останусь. — Кутаюсь в плед плотнее. — Спасибо, что выслушала. Мне правда стало легче.

— И тебе спасибо. За доверие.

Она встаёт и идёт к спальне. Но в дверях останавливается и оборачивается.

— Ты не виновата, — говорит тихо. — Запомни это. И никогда никому не позволяй убеждать тебя в обратном.

Дверь закрывается со скрипом.

Я остаюсь одна в чужой гостиной, в чужой футболке, под чужим пледом. И впервые за очень долгое время мне не страшно закрывать глаза.

За окном уже сереет. Я подтягиваю колени к груди и по-

чти проваливаюсь в сон, когда слышу какой-то шум с улицы. Приподнимаюсь, иду к окну и осторожно отодвигаю край шторы.

Под окнами стоит чёрная машина. Свет фонаря лежит на лобовом стекле, и разглядеть, есть ли кто-то внутри, невозможно. Она просто стоит. И не уезжает. Кажется, это машина Вольного. Либо снова моя паранойя.